

PALAEOSLAVICA

X / 2002

NO. 2

For Professor Ihor Ševčenko on his 80th birthday

CAMBRIDGE — “PALAEOSLAVICA” — MASSACHUSETTS

6. 1638 г., сентябрь–октябрь. Грамота иерусалимского патриарха Феофана III царю Михаилу Федоровичу (РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 151).⁴²

7. 1644 г., май. Грамота константинопольского патриарха Парфения I о привилегиях филадельфийского митрополита Афанасия Валерианоса ('Ελληνικὸν Ἰστιτούτον Βενετίας, Παλαιὸν Ἀρχέον, Θησαυροφυλάκιον, ἀριθ. 21).⁴³

8. 1652 г. Грамота константинопольского патриарха Иоанникия II царю Алексею Михайловичу (РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 437).

№ 577. 1669 г., апрель. Письмо иерусалимского патриарха Досифея. Один из самых ранних автографов патриарха, занявшего свой престол в январе указанного года.

*
* *

Итак, рассмотрев 62 греческих документа XVI–XVII вв. Львовского Успенского братства, мы выделили 40 из них, почерковые особенности которых представляют, как мы пытались это показать, выдающийся интерес для современной палеографической науки. Остальные львовские материалы, не введенные в исследование, безусловно, также важны в качестве источника для истории связей братства с Христианским Востоком, но с нашей, специфической точки зрения они либо менее значительны, либо пока еще не могут быть оценены в должной степени. Исключительное значение греческих грамот Львовского братства и их неизученность в этом направлении заставляют считать создание не существующего до сих пор каталога данных материалов и его публикацию в сопровождении максимально полного альбома одной из неотложных задач архивистики. Настоящая работа представляет собой основную часть исследования, которое должно предшествовать подготавливаемому нами к изданию такого каталога.

Российская Академия Наук

⁴² См.: Греко-русские связи середины XVI – начала XVIII вв..., с. 24–25, № 24, рис. 14.

⁴³ Τσελίκας' А. Op.cit. (см. выше, прим. 5), σελ. 222–223.

Вера М. Ченцова (Москва)

**Коринфский митрополит Иоасаф,
гетман Богдан Хмельницкий и Россия**
(неизвестные документы фонда "Сношения России с Грецией"
[фонд 52] Российского Государственного Архива Древних Актов)

... Було у Східній Європі одне місце, де грецькі єпархи могли розраховувати на повагу, і де ніхто не перевіряв їхніх повноважень — українсько-білоруські землі під польсько-литовським пануванням.

... Сподіваючись дістти свободу з рук московського царя, греки вважали, що він захищав православ'я в цілому світі, і що всі без винятку православні повинні бути у нього в послуху...

I. Шевченко. Україна між Сходом і Західом, Львів, 2000, с. 114.

Коринфский митрополит Иоасаф прибыл в запорожский стан после начала восстания казаков под руководством гетмана Богдана Хмельницкого против польской власти. Владыка постоянно находился при гетмане, благословляя сражавшееся за православную веру воинство и принял смерть в битве под Берестечком от рук польских солдат¹. О героизме до конца остававшегося при Запорожском Войске архиерея Н.И. Костомаров писал:² коринфский митрополит

"препоясал Хмельницкого мечом, освященным патриархом на самом Гробе Господнем, вручил ему частицы мощей из Греции, кропил войско святой водой, ободрял надеждами на помощь Божию и решился сам с духовенством идти на брань за честь православной веры. Этот пастырь, проживая на Украине, тайно сносился с Москвой через своего двоюродного брата Илью, писал к цареву тестю Милославскому и к самому царю, сообщал о том, что делается на Украине, извещал о благожелательстве к Москве гетмана, которого он, с своей стороны, настраивал вступить в подданство царю".²

О пребывании митрополита Иоасафа при Запорожском Войске и о его гибели известно в первую очередь по публикациям русских документов из архива Польского приказа, исследованных украинскими и русскими учеными (фонды

¹ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, изд. 2 (Сергиев Посад, 1914), с. 360; Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х-80-х гг. XVII в. Часть 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого (Москва, 1998), с. 301–302, прим. 68.

² Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий (Москва, 1994), с. 459; см. также: Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен, кн. 5 (Москва, 1990), с. 551. Сведения об освященном на Святом Гробе мече содержатся в сочинении Иоахима Пастория: "Repertus gladius, quem Patriarcha Graecus Chmelnicio miserat..." (*Bellum Scythico-Cosacicum seu De Conjuratione Tartarorum Cosacorum et plebis Russiae contra Regnum Poloniae ab invictissimo Polonae et Sveciae Rege Ioanne Casimiro profligata narratio plenioris historiae operi praemissa. Autore Ioachimo Pastorio [Dantisci, 1652]*, p. 193).

РГАДА “Малороссийские дела” [ф. 124] и “Сношения России с Грецией” [ф. 52]³. Обращение к подлинным греческим грамотам и некоторым, еще не привлекавшим внимания исследователей, русским документам из собрания Посольского приказа, их сопоставление с данными источниками из архивов константинопольского патриархата⁴, позволяет пролить свет на ряд доселе неизвестных подробностей биографии митрополита Иоасафа. Изучение этих свидетельств дает возможность выявить те круги, к которым принадлежал коринфский митрополит, предпринявший вместе с другими священнослужителями и светскими лицами немалые усилия во имя союза запорожских казаков с русским государем, направленного на подготовку объединения сил христианских государств ради освобождения православного населения Османской империи от ига иноверцев⁵.

Будущий коринфский митрополит, иеромонах Иоасаф был хиротонисан во элассонского архиепископа при патриархе Кирилле Лукарисе в декабре 1621 г., занимая эту кафедру до 6 марта 1636 г., когда он был низложен из-за задолженности элассонской кафедры и разногласий с лакедемонским митрополитом Иоасафом⁶. Смещение произошло при патриархе Кирилле II Контарисе, причем архиепископ Иоасаф был обвинен не только в нарушении прав юрисдикции лакедемонского митрополита, но и в угрозе самой его жизни⁷. С 23 августа 1638 г. до низложения в январе 1641 г. Иоасаф был коринфским митрополитом, заняв эту кафедру после смешенного митрополита Иезекииля⁸. Его избрание состоялось вскоре после казни патриарха Кирилла Лукариса все при том же патриархе Кирилле Контарисе, который некогда низложил его с элассонской кафедры, а смещение произошло уже при патриархе Парфении I за невыплату денежного взноса Великой церкви.

Эти перемещения представляются весьма показательными для понимания того, с какими церковными кругами был связан будущий горячий приверженец единения запорожских казаков с Россией. Так, при первом конфликте и лишении Иоасафа элассонской кафедры его антагонистом был Иоасаф Лакедемонский — против-

³ См.: Костомаров Н.И. *Богдан Хмельницкий*, с. 459; Грушевський М. *Історія України-Русі*, т. IX/1 (1650-1654) (Київ, 1996), с. 238-239; 249-251; 255-256; Заборовский Л.В. *Католики, православные, униаты...*, с. 301-302.

⁴ Эти архивные материалы отчасти доступны для исследователей по копиям из собрания великого логофета Ставракиса Аристархиса в Библиотеке Ватикана: Nicolopoulos P.G. "L'inventario dei codici greci 2403-2631", *Ἐπετρίς Ἐταιρείας Βιβλιοθήκης Σπουδῶν* 35 (1966-67), pp. 129-131 (= ЕЕВΣ). За предоставленную возможность работать с документами этого собрания выражают благодарность руководству Французской школы в Риме и, прежде всего, ее директору А. Воше (A. Vauchez, Ecole française de Rome), директору исследований по новой и новейшей истории проф. Бриджит Марэн (Brigitte Marin, Ecole française de Rome), а также Mons. проф. Дж.М. Кроче (Mons. G.M. Croce, Archivio Segreto Vaticano).

⁵ Ченцова В.Г. “Источники фонда “Сношения России с Грецией” РГАДА по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-е гг. XVII в.”, *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века* (Москва, 2000), с. 151-180.

⁶ Vaporis N.M. *Codex (B') Beta of the Ecumenical Patriarchate of Constantinople: Aspects of the History of the Church of Constantinople* (Brookline, Mass., 1975), no. 26, pp. 65-68; no. 52-53, pp. 97-101.

⁷ Idem., no. 52-53, pp. 97-101.

⁸ Idem., no. 56, p. 104; no. 64, pp. 118-120; *Vat. gr.* 2420, fols. 125г-126г; Αποστολόπουλος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Σύναγωγή τοῦ Δοσιθέου. Μία πηγὴ καὶ ἔρα τεκμήριο*, τ. Α' (Αθήνα, 1987), № 1006-1007, σ. 420; Μυστακίδης Β. "Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι", *ΕΕΒΣ* 12 (1936), σ. 184.

ник Кирилла Лукариса, известный своими прокатолическими взглядами и находившийся в постоянном контакте с римской Конгрегацией пропаганды веры⁹. Замена при патриархе Кирилле Контарисе на коринфской кафедре митрополита Иезекииля¹⁰, верного сторонника бывшего верийского митрополита, на Иоасафа, приверженца Кирилла Лукариса, на первый взгляд представляется лишенной логики. Можно предположить, впрочем, что последовавшее уже в сентябре 1638 г. подписание митрополитом Иоасафом Коринфским в числе других членов Синода постановления об осуждении взглядов покойного патриарха Кирилла “Старого” было следствием какого-то соглашения Иоасафа с Кириллом Контарисом, благодаря которому он и занял коринфскую кафедру¹¹. Если это предположение справедливо, то и смещение Иоасафа с кафедры после смены патриарха и избрания на константинопольскую кафедру Парфения I (с июля 1639 г.) могло быть не случайным. Лишение митрополита кафедры вновь произошло по причине неуплаты им Великой церкви долга своей митрополии¹². Не исключено, что этот конфликт был каким-то образом связан с ориентацией Иоасафа на иную группу греческого духовенства, чем та, которая образовалась вокруг патриаршего престола с приходом на него Парфения I. Владыка Иоасаф в этом отношении не был одинок: трения с новым патриархом, в том числе и из-за задолженности кафедр, существовали также у других архиереев после отречения от патриаршества Кирилла Верийского, а усилия Парфения I наладить отношения с неуплачивавшими подати митрополями, оппозиционными к константинопольской кафедре, порой наталкивались на сопротивление¹³.

⁹ Hofmann G. "Byzantinische Bischöfe und Rom. Kleine Hinweise auf Quellschriften des XVII. Jahrhunderts", *Orientalia Christiana* XXII/3 (1931), № 70, S. 145-146; Hering G. *Οἰκοψευκό πατριαρχῆο καὶ εὐρωπαϊκή πολιτική*, 1620-1638 (Αθήνα, 1992), σ. 117, 349-351.

¹⁰ Hering G. *Οἰκοψευκό πατριαρχῆο...*, σ. 351.

¹¹ *Vat. gr.* 2420, fols. 135г-136в, 142г.

¹² Ibid., fols. 241г-243г (дата: февраль 1641 г.).

¹³ См.: Николаевский П. *Из истории сношений России с Востоком в половине XVII века* (СПб., 1882 = Оттиск из журн. “Христианское чтение”, 1882, № 1-6), с. 2-3; Pall Fr. "Les relations de Basile Lupu avec l'Orient orthodoxe et particulièrement avec le Patriarcat de Constantinople envisagées surtout d'après les lettres de Ligaridis", *Balcania* 8 (1945), pp. 86-87; Χασιώτης Ι.Κ. "Τὸ Οἰκοψευκό Πατριαρχῆο καὶ ἡ Κρήτη μετὰ τὸ θάνατο τοῦ Κυρίλλου Α' τοῦ Λουκάρεως. Ἀνέκδοτα γράμματα τοῦ πατριάρχη Παρφενίου Α'" (1639)", *Φθωτηρίαστα* 6 (1969), Σ. 201-237. В качестве несправедливого сребролюбца характеризуется бывший константинопольский патриарх Парфений I и в доставленной в Москву палеопатасским митрополитом Феофаном грамоте, написанной от имени нового патриарха Парфения II и синода: “А которые он збирал церковные доходы и то все блюл и держал про себя, а долгов никаких не платил и никакой добrotы не делал... Да еще к тому хотя грабить, учал властей иных отставливал от их престола без вины взятку ради, иных властей хотел известь, только божественная сила поспешила от такова зла, а то подлинно им быть разореным и убитым” (цит. по: Флоря Б.Н. “Материалы миссии Феофана Палеопатасского в Россию в 1645 г.”, *Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в.* (Москва, 1990), с. 215-216; см. также: Pall Fr. "Les relations de Basile Lupu...", p. 85). Бывший константинопольский патриарх Афанасий II Пателар тогда же бежал из Константинополя в Ясы, утверждая в послании в римскую Конгрегацию пропаганды веры, что из-за “этого продажного патриарха” его жизнь находится в опасности (Hofmann G. "Griechische Patriarchen und römische Päpste. Untersuchungen und Texte. Patriarch Athanasios Patellaros", *Orientalia Christiana* XIX/2 [1930], № 63, S. 276). Трения патриарха Парфения I с частью греческого духовенства (к которой принадлежал, видимо, и Иоасаф Коринфский) происсте-

В соответствии с данными, приведенными Н.М. Вапорисом, после Иоасафа элассонскую кафедру занимал Каллист (6 марта 1636 г. – 22 мая 1646 г.), а в июле 1639 г. и с мая 1646 г. до сентября 1655 г. — архиепископ Герман¹⁴. Р. Жанэн и В. Атесис, как и Н.М. Вапорис, обнаружили подтверждение того, что пастырское служение архиепископа Каллиста могло прерываться (на элассонскую кафедру на непродолжительные сроки восходили Герман и Иоасаф)¹⁵. Документы из архива Посольского приказа свидетельствуют о том, что в октябре 1646 г. Иоасаф, назвавшийся элассонским архиепископом, приехал в Россию, имея грамоту к царю от моневасийского митрополита Неофита (от 25 августа 1646 г.), и оставался в русской столице в течение всей зимы¹⁶. По мнению Н.М. Вапориса, избранный на коринфскую кафедру 23 августа 1638 г. бывший элассонский архиепископ Иоасаф тождествен тому Иоасафу, который занимал архиепископскую кафедру до марта 1636 г.; иной Иоасаф на элассонской кафедре в 30е-40е гг. XVII в. неизвестен. Мог ли смещенный с коринфской митрополии в январе 1641 г. бывший Иоасаф Элассонский продолжать представляться в России в 1646 г. именно элассонским архиепископом, а не коринфским или бывшим коринфским митрополитом? Учитывая постоянные и часто происходившие в ту эпоху перемещения на церковных кафедрах, соперничество различных групп и направлений внутри Великой церкви, это предположение представляется вполне вероятным.

Подтверждением этого отождествления является и грамота, присланная в Россию в 1649 г. все с тем же Иоасафом, который приехал в Москву вторично, назвавшись уже коринфским митрополитом. Грамота о пожаловании милостыни коринфскому митрополиту была подписана бывшим константинопольским патриархом Афанасием II Пателаром. В ней Афанасий Пателар вкратце сообщил и о предыдущей поездке митрополита Иоасафа в Россию, и о том, что ранее митрополит был в сане элассонского архиепископа:

кали из-за расположности патриарха (хотя и, безусловно, в меньшей степени, чем его предшественника Кирилла Контариса) к переговорам с католическим Римом. См. некоторые данные о контактах патриарха Парфения I с Римом: Hofmann G. "Griechische Patriarchen und römische Päpste. Untersuchungen und Texte. Patriarch Kyrrilos Kontaris von Bergöa. Anhang: Patriarch Parthenios I und Rom", *Orientalia Christiana XX/1* (1930), № 64, S. 73–78.

¹⁴ Vaporis N.M. *Codex (B') Beta...*, p. 67.

¹⁵ Ibid., p. 66; см. также Janin R. "Ellasson", *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*, t. 15, fasc. 84 (Paris, 1963), col. 114–115.

¹⁶ Ф. 52, оп. 2, № 263; оп. 1, № 3 (11.10.1646 г., по описи 1647 г.; перевод грамоты моневасийского митрополита, подготовленный переводчиком Посольского приказа: лл. 16–21). Надо отметить, что приезд элассонского архиепископа Иоасафа в 1646 г. послужил также казусом, по поводу которого Путинские пограничные власти вновь обратились в Москву для выяснения того, каким образом надлежит регулировать поток приезжающих в Россию греков. Так, в отписке из Путинля говорилось, что все греки утверждают, будто бы они приехали "с государевым делом" и просят пропустить их в Москве, тогда как на поверхку, в соответствии с имеющимися у них грамотами, они являются лишь обычными просителями милостыни (ф. 52, оп. 1, № 6 [19.11.1646–15.04.1647 г.], лл. 3–15, 20–22). В их числе был и архиепископ Иоасаф, который позже "в Посольском приказе..." подал проезжую грамоту царегородского патриарха Парфения незапечатану, а по той грамоте велено ему зирати милостина. Да он же подал моневасийского митрополита Неофита грамоту, писана к нам, великому государю, об нем, архиепископе Иоасафе, о милостыне" (там же, л. 6).

"был он великое время архиереем, не усыпая пастырства достойна, архиепископом еласонским, и приезжал он и преж сего к великой державе и великой милости царствия вашего, и получил великую помочь для монастыря архиепископия его. Потом с великим прощением христианского народа коринфского града избрали его и поставили по закону митрополитом коринфским. По сем, великий и державный царю, не во многое время как стал митрополитом, и учил над ним ненавистник лукавый дьявол своими лукавыми делами розорити его, бедного, и митрополия его. И напустил некоторых нечестивых арапов, и убили насмерть единого священника его митрополии. И он от них многие муки воспринял, чтобы освободить самому и митрополия своя. Исхарил и все имение свое ходячее и неходячее и не возмож м освободитца от того великого долгу. Dal порукою тамоших своих клириков, а ему восприбегнути к православным..."¹⁷

Грамота Афанасия Пателара, таким образом, вполне соответствует действительности в передаче последовательности событий: в течение ряда лет Иоасаф занимал элассонскую кафедру, после чего последовало и избрание на коринфскую. Умалчивает бывший патриарх лишь о том, что в 1646 г., когда Иоасаф впервые приехал в Москву, он был не только бывшим элассонским архиепископом, но уже и бывшим коринфским митрополитом. Тождество Иоасафа Элассонского и Иоасафа Коринфского подтверждают и документы архива московского Посольского приказа: почерк, которым написаны расписки элассонского архиепископа 1646 г., идентичен почерку коринфского митрополита, расписавшегося на документах в 1649 г.¹⁸

Причины того, почему Иоасаф в 1646 г. появился в России под именем элассонского Георгиевского монастыря архиепископа и предпочел не сообщать в Москве о том, что в течение ряда лет был коринфским митрополитом, не вполне ясны. Возможно, они были связаны с желанием напомнить о давнем приезде известного в России архиепископа Арсения Элассонского, который в 1588 г. сопровождал во время поездки в Москву константинопольского патриарха Иеремию II, принимал участие в переговорах об учреждении патриаршества в России и в поставлении первого патриарха Иова, а после того, как патриарх Иеремия покинул Россию, остался в русской столице¹⁹. Об участии Арсения Элассонского в столь важном

¹⁷ Греческий подлинник грамоты (часть текста и подпись написаны рукой бывшего вселенского патриарха Афанасия Пателара): ф. 52, оп. 2, № 362; цит. по russk. переводу XVII в.: ф. 52, оп. 1, № 25 (12.05.1649 г.), лл. 16–17.

¹⁸ Ф. 52, оп. 1, № 3 (11.10.1646 г., по описи 1647 г.), лл. 5об., 6: расписки (по-гречески) архиепископа Иоасафа, элассонского архимандрита Макария и келаря Даниила; л. боб.: расписка по-русски толмача Михаила Еремеева; № 25 (12.05.1649 г.), л. 63об.: расписки в получении милостыни коринфского митрополита Иоасафа (за себя и за архимандрита Нектария [?]), архимандрита монастыря Св. Троицы на горе Олимп Христофора (за себя и за своего племянника); л. 70: расписка коринфского митрополита Иоасафа; см. илл. № 1–4, 6 ниже.

¹⁹ О деятельности Арсения Элассонского см.: Макарий (Булгаков), митр. *История Русской Церкви* (Москва, 1996), кн. 6, с. 31–34, 692–693; Дмитриевский А.А. *Архиепископ Элассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря* (Киев, 1899); Δημητράκοπουλος Φ.Αρσένιος Ἐλασσόνος (1550–1626). *Βίος καὶ ἔργα Συγχρόνης στῆ μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς* (Αθήνα, 1984); Фонич Б.Л. *Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России)* (Москва, 1977) с. 52–59; Он же. "Греческое книгоиспание в России в XVII в.", *Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования* (СПб., 1994), с. 19–20; Зилитиневич В.С. "Арсений Элассонский (ок. 1550–

событии как поставление патриарха должны были помнить при московском дворе²⁰, и не случайно монемвасийский митрополит Неофит в отправленной с Иоасафом в Москву грамоте писал:

“Буди ведомо великому вашему царству, что от тово времяни, как был тут у вас прежде мене митрополит моновасийской господин Генадей да бывшер архиепископ алаконской и демонинской господин Арсеней с царегородцким патриархом господином Иеремием, как поставил патриарха московского, и от тех мест не приезжал моновасийской митрополит, ни алаконской архиепископ”²¹.

Монемвасийский митрополит Неофит, как и Афанасий Пателар, был прекрасно осведомлен о церковной карьере Иоасафа, в частности о том, что он был коринфским митрополитом. По-видимому, и в 1646, и в 1649 году существовали какие-то причины, по которым факт поставления Иоасафа в митрополита коринфского скрывался. Причины эти, пока не выясненные, вероятно, кроются в конфликте между группами и приверженцами различных ориентаций (как богословских, так и политических) в среде греческого духовенства²².

По словам Иоасафа, он уехал из Константинополя в Москву в мае 1646 г., но по пути на два месяца остановился в Молдавии, в Яссах²³. Несмотря на то, что Иоасаф представился архиепископом, приехавшим в Россию за милостыней из далекого монастыря, он, в отличие от некоторых других приезжавших в поисках материального вспомоществования духовных лиц, был весьма хорошо осведомлен

ок. 1626), *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 1 (А-З) (СПб., 1992), с. 108-110.

²⁰ Об участии монемвасийского митрополита Иерофея и Арсения Элассонского в поставлении русского патриарха было упомянуто и в опубликованной впервые в Венеции в 1631 г. “Хронике” Псевдо-Дорофея Монемвасийского. Не случайно эту книгу в 50-е гг. начали переводить на русский язык (готовить к изданию) Арсений Грек и Дионисий Ивирит (см.: Лебедева И.Н. “Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод”, *Труды Отдела древнерусской литературы* 21 (1965), с. 302-305).

²¹ Ф. 52, оп. 1, № 3, л. 20. Об этом же событии Иоасаф упоминает и в своей челобитной с просьбой о пожаловании милостыни, поскольку “гласонской престол турки разорили совсем без остатку, и вся, государь, архиепискупы впаде в великий долг” (ф. 52, оп. 1, № 2 [27.09.1646 г., по описи 1647 г.], л. 85). Под “митрополитом Геннадием” Неофит мог иметь в виду только Иерофея Монемвасийского, который приезжал в Москву вместе с константинопольским патриархом Иеремией II в июле 1588, а затем вторично в 90е гг. XVI в. Известны две греческие рукописи, в состав которых входят тексты, скопированные митрополитом Иерофеем в Москве. Эти рукописи в дальнейшем попали в библиотеки христианского Востока (ср. Фонкич Б.Л. *Греческо-русские культурные связи*, с. 49-52).

²² Интересно отметить, что, например, Иоахим Пасторий был, по-видимому, осведомлен о том, что право коринфского митрополита на этот архиерейский сан вызывает сомнения. Не случайно он писал об Иоасафе: “греческий архиерей (“*graesul*”), который называет себя архиепископом коринфским” (см. Pastorius I. *Bellum Scythico-Cosacicum*, р. 194). О внутренних конфликтах в Восточной церкви в это время см.: Páνσιμαν Στ. (Runciman S.) *Η Μεγάλη Ἐκκλησία ἐν αἰχμαλωσίᾳ*, т. 2 ('Αθήνα, 2000), σ. 426-564; Podskalsky G. *Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453-1821)* (München, 1988), S. 181-271; Croce G.M. “Les Églises orientales”, *Histoire du Christianisme des origines à nos jours*, t. IX (Paris, 1997), p. 565.

²³ Ф. 52, оп. 1, № 3, л. 8.

о происходивших в юго-восточной Европе политических событиях²⁴. Элассонский архиепископ подробно изложил “вести” о пересылках посольствами между молдавским господарем Василием Лупу и польским королем Владиславом IV, о совместных планах противостояния татарам молдавского и валашского господарей.

Помимо грамоты монемвасийского митрополита Неофита, по словам архиепископа Иоасафа, у него была и проезжая грамота константинопольского патриарха Парфения II. В Путинье он сообщил, что эта грамота “за глухой печатью” (т.е. секретная, “о государевом деле”), предъявив какой-то запечатанный лист, в Москве же показал только грамоту о сбore милостыни:

“и архиепископ Иоасаф сказал, что больши того у него патриарши грамоты нет, которую ныне подал о милостыне. А в Путинье сказал ту патриаршу проезжую грамоту за глухою печатью для того, чтоб ево ис Путиня к великому государю к Москве пропустили”²⁵.

Ни подлинник грамоты Парфения, ни ее перевод не сохранился, причем в одном из документов сказано, что архиепископ Иоасаф имел грамоту монемвасийского митрополита, а грамоту патриарха Парфения предъявил приехавший с ним одновременно грек Николай Юрьев из Калавриты²⁶. Первоначальные показания приехавших в Путинье в одно время с архиепископом Иоасафом двух светских лиц — “гречан-бельцов” Агорастия Феонова из Фессалоники и Николая Юрьева из Калавриты, — явно свидетельствует о какой-то подтасовке. По приезде все три грека (Иоасаф, Агорастий Феонов из Фессалоники и Николай Юрьев из Калавриты) представили всего пять грамот, причем две грамоты “с глухими печатями” предъявил Иоасаф (от константинопольского патриарха и от монемвасийского митрополита), а еще три — греки-“бельцы” (две от константинопольского патриарха и одну от ахридонского патриарха [= охридского архиепископа] Харитона)²⁷. Однако в Москве, в Посольском приказе, судя по имеющимся документам, были изготовлены переводы только трех грамот: от монемвасийского митрополита — о приезде Иоасафа, от константинопольского патриарха — о милостыне греку Николаю Юрьеву, от Харитона Ахридонского — греку Агорастию Феонову. Не могли ли хитрецы передавать друг другу одни и те же листы, которые русские власти в приграничном Путинье посчитали, таким образом, несколько раз?

Имевшаяся у владыки Иоасафа грамота монемвасийского митрополита Неофита весьма определено указывает на то, к какому церковному кругу принадлежал бывший коринфский митрополит. Монемвасийский митрополит Неофит, занявший кафедру еще в 1626 г. (видимо, также при патриархе Кирилле Лукарисе)²⁸,

²⁴ Там же, лл. 8-15.

²⁵ Там же, л. 7.

²⁶ Там же, л. 32; перевод грамоты: лл. 22-26, 45-46.

²⁷ Там же, лл. 2-3.

²⁸ Αποστολόπουλος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Συναγωγή τοῦ Δοσιθέου...*, № 484, σ. 259; № 595, σ. 294-295; см. также: Γριτσόπουλος Τ.Α. “Πέντε πατριαρχικά γράμματα (1607-1659) ἀφορώντα εἰς τὴν μητρόπολιν Μονεμβασίας”, *Ξένιον. Festschrift für Pan.J. Zepos*, T. 1 ('Αθήνα-Freiburg-Köln, 1973), S. 497-525. В то же время, тот факт, что в грамоте, переданной с Иоасафом в Москву, митрополит допускает ошибку в имени своего предшественника, побывавшего в Москве, весьма любопытен.

входил в ближайшее окружение молдавского господаря Василия Лупу. Именно он сопровождал в Яссы тело сына господаря Иоанна, умершего в Брусселе, а сам господарь Василий в грамоте, обращенной к константинопольскому патриарху и синоду, впоследствии указал, что желал бы обеспечить особую честь монемвасийскому митрополиту за его заслуги перед молдавским двором²⁹. Близость этого иерарха к молдавскому престолу, очевидно, связана также и с тем, что он происходил из той же семьи Каракаллов из Димицаны, к которой принадлежал и иерусалимский патриарх Феофан (1608–1644 гг.)³⁰. Неофит был, таким образом, связан родством и с новым иерусалимским патриархом Паисием Ламбардисом (1645–1660 гг.), племянником Феофана, бывшим игуменом Барновского монастыря в Яссах, ставленником Василия Лупу³¹. Грамота от митрополита Неофита могла стать неплохой рекомендацией в Москве: монемвасийский митрополит уже давно был связан с русским правительством, регулярно получая царское жалование³².

Об ориентации бывшего элассонского архиепископа на определенный круг лиц, принадлежавших к Великой Церкви, которые в 40-е гг. оказались в Молдавии и пользовались покровительством господаря Василия Лупу, свидетельствует также

прытен. Откуда появляется имя несуществующего Геннадия? Была ли это случайная ошибка, прославленная забывчивость?

²⁹ Hurmuzaki E., de. *Documente privitoare la Istoria Românilor*, vol. IV/2 (Bucureşti, 1884), № 595, pp. 512–513 (ср. также: *Vat. gr.* 2420, fol. 273v [20.08.1641]); Iorga N. "Basile Lupu, prince de Moldavie, comme successeur des empereurs d'Orient dans la tutelle du patriarcat de Constantinople et de l'église orthodoxe (1640–1653)", *Académie Roumaine. Bulletin de la section historique*, 2e année, no. 1 (1914), p. 103. В грамоте указывалось на особое отношение молдавского господаря к двум иерархам — монемвасийскому митрополиту Неофиту и духовному отцу Василия Лупу, знаменитому богослову и учителю Великой Церкви Мелетию Сиригу. — О монемвасийском митрополите Неофите см.: Апостολόπολος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Συναγωγή τοῦ Δοσιθέου...*, № 484, σ. 259; № 599, σ. 294–295; № 838, σ. 369; № 881, σ. 383; № 966, σ. 408–409. Митрополит Неофит скончался в 1649 г., будучи, по-видимому, уже весьма пожилым человеком,

³⁰ Γρύτσοπολος Τ.Αθ. "Αρχιερεῖς ΙΖ' αἰώνος ἐκ Δημητσάνης", *Πελοποννησιακά Γ'-Δ'*/1958–1959 (1960), σ. 172–173.

³¹ Μεϊμάρης Ι.Ε. "Ο Πατριάρχης Ιεροσολύμων Πάισιος Λαμπάρδης καὶ ἡ ἐποχὴ τοῦ ὑπὸ τῷ φῶτι τεσσάρων ἐπιγράφων", *Θεολογία* 55 (1984), σ. 484; Iorga N. "Basile Lupu, prince de Moldavie...", p. 115.

³² О связях митрополита Неофита с русским царским двором см., например, ф. 52, оп. 1, № 8 (13.02.1627 г.) — о посланной с русским посольством вселенским патриархам и монемвасийскому митрополиту милостыне; оп. 2, № 40–41 (29.05.1627) — переданные с османским послом Фомой Кантакузиным грамоты митрополита Неофита к царю и патриарху Филарету Никитичу с благодарностью за милостыню; оп. 1, № 4 (29.11.1634 г., по описи 1635 г.) — перевод грамоты монемвасийского митрополита Неофита с благодарностью за присланную милостыню. Милостыню монемвасийскому престолу должны были отправлять из России "в третий год" в соответствии указом царя Федора Иоанновича в благодарность за участие в поставлении патриарха Иова. Не исключено, однако, что митрополит Неофит и сам оказал какие-то услуги русскому правительству; ср.: ф. 52, оп. 1, № 2 (27.09.1646 г., по описи 1647 г.), л. 85 (из челобитной элассонского архиепископа Иоасафа). Стоит отметить, что сотрудничество митрополита Неофита с русским правительством приходится на то время, когда бразды правления в России находились в руках патриарха Филарета Никитича, придерживавшегося (особенно с 20-х гг.) антипольского и антикатолического курса как во внешней политике, так и в церковных делах (ср. Опарина Т.А. *Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии* [Новосибирск, 1998], с. 73, 143–144, 174, 188–192; а также особенно: Поршинев Б.Ф. *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства* [М., 1976]).

и тот факт, что присутствие Иоасафа в России связано с деятельностью учителя и богослова Великой церкви Венедикта (протосинкела александрийского патриарха и бывшего великого архимандрита³³), и с неожиданным скандалом, в котором были также замешаны сиистрийский митрополит (митрополит Дристы) Иеремия³⁴ и варненский Парфений, находившиеся в Москве в одно время с элассонским владыкой³⁵. Все они, как и архиепископ Иоасаф, приехали с сопровождавшими их архи-

³³ Ф. 52, оп. 1, № 15 (18.02.1646 г.), л. 10. Сам Венедикт, впрочем, называл себя великим архимандритом Великой церкви (лл. 6, 19), как и направивший его в Москву митрополит Феофан Палеопатрасский.

³⁴ Перемещения на церковных кафедрах сиистрийского (дристрского) митрополита Иеремии также весьма показательны для понимания того, к какому окружению принадлежал элассонский/коринфский владыка. Иеромонах Иеремия (*Μπουρής*) был рукоположен в митрополита Мир Ликийских в августе 1633 г. Вероятно, грамота Кирилла Лукариса 1626 г., обращенная к царю Михаилу Федоровичу, в которой патриарх просил о пожаловании милостыни мирликийскому митрополиту Иеремии, отправившемуся в Россию (ф. 52, оп. 2, № 29; оп. 1, № 6 [10.10.1626 г., по описи 1627 г.]), была дана предшественнику сиистрийского митрополита Иеремии, носившему то же имя (?) (см.: Аποστολόπολος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Συναγωγή τοῦ Δοσιθέου...*, № 959, σ. 404–405). В октябре 1637 г. бывший мирликийский митрополит Иеремия был избран митрополитом Дристы вместо смещенного с кафедры Антония, но уже в феврале 1638 г. все тот же Иеремия Мирликийский (бывший), стал митрополитом Смирны вместо Иакова (*ibid.*, № 997, 999, σ. 418; см. также: Γεδεών Μ. *Πατριαρχικαὶ ἐφημερίδες. Εἰδήσεις ἐπὶ τῆς ἡμέτερας ἐκκλησιαστικῆς ἴστορίας, 1500–1912* ('Αθῆναι, 1938), σ. 99, 101. В июле 1639 г. Иеремия был уже и бывшим смирским митрополитом! (ср. *Vat. gr.* 2420, fol. 167г). Антоний подписывал документы в сане митрополита Дристы в сентябре 1638 г. – августе 1643 г., когда вновь оказался смещенным с кафедры (*Vat. gr.* 2420, fols. 135v, 167г, 169г, 171г, 213v, 322г–323v, 382г). В июле 1651 г. на дристрскую (сиистрийскую) кафедру был хиротонисан Макарий, вместо Антония, переместившегося на палеопатрасскую митрополию (*Vat. gr.* 2421, fols. 213г–219v). Не исключено, что в период между августом 1643 и июлем 1651 г. Иеремия на какое-то время мог быть возвращен на сиистрийскую кафедру, после чего его вновь сменил Антоний.

Избранный в ноябре 1646 г. мирликийским митрополитом иеромонах Иеремия, также известный по документам архива Посольского приказа, был, по-видимому, уже другим лицом (ср.: Γεδεών Μ. *Πατριαρχικαὶ ἐφημερίδες...*, σ. 106; *Vat. gr.* 2420, fols. 483v, 504г–506г). Он оказывается на кафедре Мир незамедлительно (в том же месяце!), как только патриархом становится Иоанникий II, известный своим расположением к католической церкви. Вероятно, не случайно приезд митрополита Иеремии Мирликийского в Москву в марте 1653 г. совпал с приездом в Россию бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара. Здесь же, в Москве, у митрополита произошел какой-то конфликт с его архимандритом Вениамином, который оказался в Соловецком монастыре. Вероятно, что освободиться из Соловецкого монастыря Вениамину удалось только после окончания "дела патриарха Никона" (см. ф. 52, оп. 1, № 28 [16.03.1653 г.]; № 30 [1666–1667 = 7175 г.]). В числе подлинных греческих грамот мирликийского митрополита Иеремии сохранилось письмо из Путивля, написанное 16 марта 1653 г., с просьбой о пропуске в Москву (ф. 52, оп. 2, № 490) и грамота с просьбой о милостыни, присланная, видимо, уже после возвращения из России, в 1654/1655 г. (указан лишь 8 индикт: ф. 52, оп. 2, № 371; по описи ошибочно атрибутирована как "Лист царю Алексею Михайловичу от находившегося в Москве от оного же никейского митрополита Перфилия просительной о милостыне").

³⁵ В сентябре 1638 г. Порфирий подписал решение Синода, осуждающее заблуждения Кирилла Лукариса, как бывшего иконийского митрополита (он был смещен 30 августа; см. Аποστολόπολος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Συναγωγή τοῦ Δοσιθέου...*, № 1008, σ. 421). Едва только на константинопольскую кафедру взошел бывший архиепископ Парфений, Порфирий вновь начал подписывать документы в сане иконийского митрополита (*Vat. gr.* 2420, fols. 135v, 167г).

мандритами и келарями (Иоасаф — с архимандритом Макарием и келарем Даниилом³⁶, варнский митрополит — с архимандритом Иоасафом, келарем Калиником и другими спутниками³⁷, а сирийский митрополит — с архимандритом Порфирием и келарем Никифором³⁸). В Москве архимандрит сирийского митрополита Иеремии Порфирий, ссылаясь на келара архимандриста Венедикта и служившего у него же “мальца”-переводчика Ивашка Соболя³⁹, накануне отъезда подал донос о том, что архимандрист Венедикт написал грамоту в Литву к конотопскому старосте, в которой просил задержать спутников сирийского митрополита — архимандриста с келарем и служкой — и посадить в тюрьму, собираясь отобрать у них полученную в Москве царскую милостыню. Келарь и Ивашка Соболь подтвердили версию сирийского архимандриста. Обвинение, высказанное Иваном Соболем, который утверждал, что он сам же и написал по-польски грамоту в Конотоп, касалось не только сирийского митрополита и учителя Венедикта, но всех троих находившихся в Москве архиереев — сирийского, варнского и элассонского: владыки, подписавшие грамоту к старосте, в Конотопе намеревались ограбить своих спутников и помощников⁴⁰. Иоасаф Элассонский, на которого возложил было ответственность за написание грамоты в Литву племянник сирий-

[01.07.1639]. В декабре 1639 г. Порфирий был рукоположен в митрополита Варны вместо Мелетия (Αποστολόπουλος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Διναγωγή τοῦ Δοσιθέου...*, № 1033, σ. 429; Vat. gr. 2420, fols. 202r-203r, 205^a, 243r, 245r). Но в 1640 и 1646 гг. Мелетий также подписывал некоторые документы в сане варнского митрополита, что позволяет предполагать продолжение перемещения этих двух архиереев на этой кафедре (Vat. gr. 2420, fols. 213v, 231r, 442r). В фондах архива Посольского приказа имеется грамота варнского митрополита Парфения 1652 г. к царю Алексею Михайловичу с просьбой о пожаловании ему милостыни (ф. 52, оп. 2, № 468). Однако ее почерк и подпись митрополита Варны не соответствуют подписи того же митрополита Парфения на грамоте константинопольского патриарха Иоанникия (апрель 1648 г.). Впрочем, все три стоящие на грамоте патриарха Иоанникия подписи митрополитов (Парфения Варнского, Макария Тырновского и Даниила Серского) написаны тем же почерком, которым писан и сам текст грамоты (там же, № 296).

³⁶ Ф. 52, оп. 1, № 3, лл. 1, 5.

³⁷ Там же, № 9 (08.12.1646 г., по описи 1647 г.); греческие автографы варнского митрополита и сопровождавших его лиц см. на лл. боб., 7-7об., 49.

³⁸ Там же, № 6 (19.11.1646 - 15.04.1647 г.), лл. 3-4.

³⁹ “Малец” Ивашка — Иван Спиридонов Соболь, служивший переводчиком архимандриста Венедикта, был сыном известного печатника Спиридона Соболя, работавшего на Украине, сотрудника митрополита Петра Могилы; см. Белоброва О.А., Каган М.Д. “Иван Спиридонов Соболев Могилевич”, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (ХVII в.), ч. 2 (СПб., 1993), с. 12-13. Руки Ивана Соболя принадлежат несколько челобитных, составленных от имени архимандриста, и несколько челобитных, которые он написал от своего имени (ф. 52, оп. 1, № 15 [18.02.1646 г.], лл. 59-60). По-видимому, именно в связи с происшедшими конфликтами Иван просил отпустить его из Москвы с греком Филиппом, а не с архимандристом Венедиктом (л. 80а). Прибытие Ивана Соболя вместе с архимандристом Венедиктом в Москву также указывает на то, какие круги (в том числе и в Киеве) оказались в тот момент заинтересованы в укреплении сотрудничества с Москвой. Не могло ли повествование о греческом иерее-вероотступнике, известное в рукописи неизвестного автора с отсылкой “слыхах повесть сию от грек чрез толмача Ивана Спиридонова сына Соболева Могилевича”, быть пересказано или записано именно тогда, зимой 1646-1647 г.?

⁴⁰ Ф. 52, оп. 1, № 2 (27.09.1646 г., по описи 1647 г.), лл. 66-78; Каптерев Н.Ф. *Характер отношений России*, с. 241-243.

рийского митрополита Андрея Федоров, подтвердил, что к конотопскому старосте действительно было написано письмо, но говорилось в нем лишь о приобретении лошади. Испугавшись, они вместе с варнским митрополитом сожгли грамоту в лесу. Дело о загадочной “пропавшей грамоте” завершается словами “а правды про тое грамоту митрополиты и архиепископ не сказали, а все говорили розные речи”⁴¹, но разбирательство было окончено незамедлительно, архиереи отпустили назад, за рубеж⁴².

Этот конфликт, впрочем, оказался не единственным, в котором так или иначе оказалось замешано имя Иоасафа Элассонского. В декабре 1647 г., архимандритом монастыря св. Иоанна Предтечи города Верии Дамианом, приехавшим в Россию, была передана грамота, написанная, судя по имеющемуся в ней указанию, в Яссах, и содержащая просьбу от лица все тех же элассонского архиепископа Иоасафа, варнского митрополита Парфения, дристрского (сирийского) Иеремии и архимандриста Венедикта о возмещении ущерба греку-купцу Федору Юрьеву Биросу⁴³, нанесенного греком же, купцом Константином Евстафьевым. Константин Евстафьев, племянник известного политического агента Ивана Петрова (Иоанна Варды Тафрали)⁴⁴, якобы шантажировал Федора и Дмитрия Юрьевых клеветническим обвинением в шпионаже, вынудив уплатить крупную сумму⁴⁵. Однако подпись на этой грамоте Иоасафа Элассонского не соответствует известным по другим документам образцам подписи этого архиерея. Изучение почерка грамоты и различие имеющихся на ней подписей с другими образцами подписей и почерка упомянутых лиц приводят к заключению, что грамота была написана рукой архимандриста

⁴¹ Ф. 52, оп. 1, № 2, л. 78.

⁴² Там же, л. 99 (все, кроме архимандриста Венедикта, остававшегося в Москве до мая 1647 г.). Те же скитавшиеся архиереи (Парфений Варнский, Иеремия Сирийский, Иоасаф Элассонский/Коринфский), имея лишь грамоты о пожаловании милостыни, а вовсе не о “государевом деле”, добрались до Москвы и поведали в Посольском приказе много интересного о политической ситуации в юго-восточной Европе. Любопытно, что даже к имеющимся у них на руках грамотам русские власти проявили повышенное внимание, передав их для особой проверки. При этом по поводу грамоты константинопольского патриарха Парфения о больших долгах варнской митрополии и притетснениях от “агарян” было сделано заключение: “а у грамоты печать не прямая: у печати около ее, как ведетца, писма нет” (ф. 52, оп. 1, № 9 [08.12.1646 г., по описи 1647 г.], л. 14.). Распоряжение о специальном досмотре грамот, привезенных сирийским митрополитом,шло непосредственно из царского дворца: “Государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии, путильские отписки и роспросных речей греческого митрополита Иеремея слушав, указал досмотрити у прежних грамот, которые они ныне привезли, руки тех ли, и не с ложными ли грамотами приехали” (ф. 52, оп. 1, № 2 [27.09.1646 г., по описи 1647 г.], лл. 14-15, 28.). Проверка, впрочем, показала, что привезенные грамоты (Афанасия Пателара и ахридонского (окридского) архиепископа Харитона, а также доставленная спутником митрополита Фомой Константиновым грамота александрийского патриарха Иоанникия) были подлинными (расписку о произведенной проверке дал переводчик Иван Боярчиков).

⁴³ О Федоре Юрьеве и его двоюродном брате Дмитрии Юрьеве см.: Заборовский Л.В. “Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в.”, *Связи России с народами Балканского полуострова* (Москва, 1990), с. 178-181.

⁴⁴ См., например, ф. 52, оп. 1, № 14 (11.07.1641 г.), л. 23.

⁴⁵ Ф. 52, оп. 2, № 267. Указанная в грамоте дата — 12 ноября 1646 г., — видимо, ошибочна; должно быть — 12 ноября 1647 г.

Венедикта, причем все подписи за митрополитов сделаны, как можно предположить, самим же Венедиктом, который лишь пытался несколько видоизменить свой почерк, копируя подписи архиереев⁴⁶. Тем не менее, по-видимому, грамоту нельзя считать полной фальсификацией: архимандрит Венедикт не случайно назвал в ней имена знакомых ему архиереев, в том числе указав и имя Иоасафа Элассонского. Все они принадлежали к близкому ему кругу лиц и, видимо, при необходимости он мог рассчитывать на получение от них поддержки и подтверждения своей жалобы.

Принадлежавшие к этому кругу представители Великой церкви — такие как палеопатрасский митрополит Феофан (в это время — экзарх константинопольского патриарха Парфения II), организовавший поездку архимандрита Венедикта из Киева в Москву⁴⁷, бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар, поддерживавший с жившим в русской столице архимандритом переписку⁴⁸, — были в тот момент озабочены организацией в Москве греческого училища и типографии, что должно было стать важной ступенью укрепления сотрудничества греческой церкви (и, безусловно, Киевской митрополии!) с русской церковью и правительством⁴⁹.

Кроме того, в 1646 г. велась подготовка союза Дунайских княжеств с польским королем Владиславом IV, целью которого должно было стать совместное наступ-

⁴⁶ Заметно характерное для присущей архимандриту Венедикту манеры начертание сочетания “δρ” в подписи митрополита Дристы, которые повторяются в подписях самого архимандрита Венедикта (в слове ἀρχιμανδρίτης), сочетания “λερφω” в имени Иеремии, Иоасафа и в подписи Венедикта как в этой грамоте, так и в некоторых других (ф. 52, оп. 2, №№ 293, 311, 322, 328); дважды встречающееся сочетание “αρ” в подписи Парфения Варнского, которое можно увидеть и в этой грамоте (стрк. 24, 28), и, например, в грамоте архимандрита Венедикта № 322 (л. 1, стрк. 32-33). При этом не вызывает сомнения то, что Венедикт копировал подписи с имеющегося у него образца, поскольку заметна попытка изобразить общие очертания всех подписей так, как это делали сами архиереи. Это видно при сравнении с оригиналами подписей всех троих владык (силистриского, варнского и элассонского) на сохранившихся членобитых: ф. 52, оп. 1, № 2 (27.09.1646 г., по описи 1647 г.), лл. 86об., 87об.; подпись силистриского митрополита: там же, л. 63; см. илл. № 3-5 ниже. Отметим также, что подписи сделаны одновременно с текстом грамоты теми же серыми чернилами.

⁴⁷ Флоря Б.Н. “Вопрос о создании греческого училища и греческой типографии в Москве в 30-40х годах XVII в.”, *Греческая культура в России: XVII-XX вв.* (Москва, 1999), с. 16-17.

⁴⁸ См. сохранившийся перевод любопытной и изобилующей темными местами “греческой посыльной грамоты” Афанасия Пателара к архимандриту Венедикту от 4 октября 1646 г., которая, видимо, не случайно оказалась переведенной в Посольском приказе (греческий оригинал, к сожалению, не сохранился). Русские власти проявляли заметный и настойчивый интерес к деятельности архимандрита и его связям: ф. 52, оп. 1, № 15 (18.02.1646 г.), лл. 56-58. Кстати, Венедикта, по-видимому, следует отождествлять с тем учителем и проповедником Евангелия Венедиктом, который в январе 1653 г. был хиротонисан в митрополита Селевкии; см.: Αποστολόπουλος Δ.Γ., Μιχαηλάρης Π.Δ. *Η Νομική Συναγωγή τοῦ Δοκτήρου...*, № 110, 340, σ. 142, 216; *Vat. gr.* 2420, fol. 135v; *Vat. gr.* 2422, fols. 23-24; Pieralli L. “Benedetto, metropolita di Seleucia negli anni della guerra di Candia” *Orientalia christiana periodica* 66/2 (2000), pp. 395-418 (о. Лука Пиералли, опубликовавший две грамоты, связанные с деятельностью митрополита Селевкии Венедикта, не пытался, однако, идентифицировать его с известным по другим многочисленным источникам великим архимандритом и учителем).

⁴⁹ Николаевский П. *Из истории сношений России с Востоком...*, с. 6-7; Флоря Б.Н. “Материалы миссии Феофана Палеопатрасского”, с. 210-241.

ление на Османскую империю и освобождение Константинополя⁵⁰. Об этих планах в Посольском приказе сообщал и хорошо осведомленный о новом антиосманском союзе Иоасаф Элассонский⁵¹. Тогда же Иван Петров Тафрали писал относительно политических планов молдавского господаря:

“...литовские люди... умышляют делати с Василем воеводою и с Матвеем воеводою ныне зимио воевати подунайскую страну, потому что турские воинские люди роспушены”⁵².

Но будущий верный помощник коринфского митрополита в деле подготовки перехода Войска Запорожского в подданство России, предупреждал царя Алексея Михайловича о двойной игре молдавского воеводы Василия Лупу и с похвалой отзывался о валашском воеводе Матвее Басарабе, который, с его точки зрения, был более надежным союзником русского царя⁵³.

Отметим, в связи с этим, что обвинения со стороны архимандрита Венедикта (и архиереев?) были адресованы родственнику Ивана Петрова Константину Евстафьеву, также давно сотрудничавшему с русским правительством, который, как было указано в грамоте, говорил, что купцы Федор Юрьев и Дмитрий Юрьев

⁵⁰ См.: Andreeșcu Ș. “Matei Basarab, Vasile Lupu și proiectul de Cruciadă din anii 1645-1647”, *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie “A.D. Xenopol”* 21 (1984), pp. 147-168; Флоря Б.Н. “К истории русско-османских отношений в середине 40-х гг. XVII в.”, *Études balkaniques* 2 (1991), pp. 72-81; Ciobanu V. “L’historiographie des rapports politiques internationaux des Pays Roumains au XVIIe siècle (II)”, *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie “A.D. Xenopol”* 29 (1992), pp. 398-403; Baidaus E. *Politica și diplomația Moldovei în timpul domniei lui Vasile Lupu (1634-1653)* (Chișinău, 1998), pp. 43-71. Переговоры об антиосманском союзе шли и с Россией, ср.: Ionescu-Nișcov Tr., Constantinescu A. “Relațiile politice între Moldova și Rusia în timpul lui V. Lupu”, *Relații româno-ruse în trecut. Studii și conferințe* (Бухарест, 1957), p. 17; Bezviconi G. *Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea)* (Бухарест, 1961), pp. 83-84; Семенова Л.Е. “Политические контакты между Россией и Дунайскими княжествами в первой половине XVII в.”, *Связи России с народами Балканского полуострова...*, с. 84-88.

⁵¹ Ф. 52, оп. 1, № 3, лл. 8-15.

⁵² Там же, № 7 (23.11.1646 г., по описи 1647 г.), л. 16.

⁵³ Там же, лл. 17-18; из перевода письма Ивана Петрова от 10 ноября 1646 г.: “Еще, тихомирный царю, друг ваш, Матвей воевода, поклоняется царствию вашему и молит Бога дени и нощь датися вам победа и одоление на враги ваша, одолети и покорити подножию вашему. Месяца июля в 27 день пришла весть, что боянцы воинские люди царствия вашего с татарами, а во святый пост Успенья дни дал во всякой монастыре Матвей воевода по пяти ефимков, чтоб молили Бога и пели молебны повседневные о здравии царствия вашего, да покорите враги ваша. И хотел писать к царствию вашему, только приказал отписати мне, рабу вашему, и я ево повеленьем пишу, а вперед он будет писать к царствию вашему обо всем, а для любви царствия вашего мне честь воздал и одарил меня. А еще имеет опасение от Василья воеводы, чтоб не попалися ево грамоты ему в руки, потому разумеет ево разуму, что он держитца ото многих стран, аще да имеет братство, но старого корени держитца, потому что Василья воеводу земля его не слушает, только имеет свою силу. А за Матвея воеводу стоят всею землею” (см. Флоря Б.Н. “К истории русско-османских отношений...”, с. 75, 78). Кстати, именно при дворе валашского воеводы нашли убежище некоторые приверженцы казненного патриарха Кирилла Лукариса, некогда проводившие в жизнь его “кальвинистские” планы и идеи как в богословии, так и в политике (в их числе был, например, и Александрейский патриарх Митрофан Критопулос; см.: Hering G. *Οίκοι ζευγκό πατριαρχεῖο...*, σ. 337-339).

“люди злые и литовские лазутчики” (ἄνθρωποι κακοὶ καὶ Λεχί(ας) καταδόται [sic])⁵⁴.

Возможно, что та группа греческого духовенства, к которой можно причислить упомянутых лиц — архимандрита Венедикта, рекомендовавшего его царю Феофана Палеопатрского, бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара, — придерживалась в то время ориентации прежде всего на молдавского господаря (т.е. принадлежала к тому церковному кругу, который оказался в Яссах главным образом из-за враждебных отношений с константинопольским патриархом Парфением II⁵⁵). Не случайно и то, что во время конфликта, возникшего в среде самих живших в Москве греческих священнослужителей, обвинители утверждали, что архимандрит Венедикт и митрополиты связаны с властями (со старостой) находившегося подпольским контролем города!

Напротив, Иван Петров Тафрали скептически оценивал возможности союза с Речью Посполитой (отсюда и обвинения со стороны близкого ему Константина Евстафьева в том, что купцы, также известные как политические агенты и сторонники молдавского воеводы и его пропольской ориентации, являются “литовскими лазутчиками”), а потому был готов принять, скорее, покровительство валашского воеводы Матвея Басараба (недавнего врага и соперника Василия Лупу, ставшего его союзником). Ситуация изменилась после смерти польского короля Владислава IV и начала казацкого восстания: Иван Петров и ясские греки, в том числе Иоасаф Коринфский, объединили свои усилия в подготовке перехода Войска Запорожского в подданство русского государя, хотя в среде греческого духовенства продолжалась осткая борьба за влияние между группами, представлявшими разные политические и богословские направления.

В 1649 г. назавшийся уже коринфским митрополитом из монастыря св. Николая Чудотворца⁵⁶ Иоасаф отправился в Россию с рекомендательной грамотой Афанасия Пателара как раз в то время, когда приехавший из Молдавии иерусалимский патриарх Паисий вел в Москве переговоры о возможном переходе Войска За-

⁵⁴ Ф. 52, оп. 2, № 267, стрк. 11.

⁵⁵ Так, например, тот самый Феофан Палеопатрский, который еще в 1645 г. приезжал в Москву в качестве экзарха константинопольского патриарха Парфения II, в марте 1646 г. был вызван из Молдавии в Константинополь для оправдания перед синодом, и с начала марта 1646 г. в сане палеопатрского митрополитаставил свою подпись бывший палеопатрский митрополит Парфений (Γρηγόριος Τ.ΑΘ. "Ἄρχετε...", σ. 157, 161-163; ср. *Vat. gr.* 2420, fols. 443r-445r [13.03. 1646]). — О проявлении сложных отношений, существовавших в греческих церковных кругах в 40-е гг. XVII в., по документам архива Посольского приказа, см. также: Флоря Б.Н. "Россия и стамбульские греки в годы борьбы за Азов (1637-1642)", *Славяне и их соседи*, вып. 4 (Москва, 1992), с. 111-122; Он же. "Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны", *Славяне и их соседи*, вып. 6 (Москва, 1996), с. 174-187. — О борьбе внутри Великой церкви в это время и о роли в ней молдавского господаря, см.: Iorga N. *To Βυζάντιο μετά το Βυζάντιο* (Αθήνα, 1989), σ. 177-188; Idem. "Basile Lupu, prince de Moldavie...", pp. 88-148; Pall Fr. "Les relations de Basile Lupu...", pp. 66-140 (особ. см. документы, свидетельствующие о том, что, видимо, именно на рубеже 1645-1646 гг. произошло резкое обострение в отношениях молдавского господаря и его греческого окружения с константинопольским патриархом и поддерживавшим его духовенством: по: 16-17, pp. 123-127).

⁵⁶ Церковь св. Николая — кафедральный храм Коринфа (Ντόκος Κ. "Η ἐν Πελοπονήσῳ ἐκκλησιαστὴ περιουσίᾳ κατὰ τὴν περίοδον τῆς Β' Εὐετοκρατίας. Ἀνέκδοτα ἔγγραφα ἐκ τῶν Ἀρχείων Εὐετίας", *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher* 21 (1976), S. 116.

порожского в подданство царю⁵⁷. Помимо послания Пателара он сообщил в Путинце, что имеет “тайный словесный приказ” от константинопольского патриарха Парфения II и лист от гетмана с просьбой о незамедлительном пропуске в Москву⁵⁸. В одном из документов, относящихся к приезду митрополита Иоасафа, указано, что он имел и письмо к иерусалимскому патриарху Паисию, которое, вероятнее всего, было из ставки украинского гетмана. Приезд коринфского митрополита, рекомендованного царю тем самым Афанасием Пателаром, который позже, в 1653 г., сам посетил Москву, принял непосредственное и высоко оцененное русским правительством участие в подготовке перехода Войска Запорожского “под высокую государеву руку”⁵⁹, как можно предположить, был также в русле развития дипломатических контактов между Россией, Молдавией и украинским гетманом после смерти польского короля и начала восстания казаков. Видимо, этот визит был связан с активизацией усилий греков, направленных на создание антиосманской коалиции, эти усилия были ориентированы на возможный союз православных и протестантских государств.

В 1649 г. в поисках военной помощи гетман настойчиво просил русские власти о покровительстве и принятии Войска Запорожского в подданство. Главным его ходатаем в русской столице стал иерусалимский патриарх Паисий⁶⁰. Несколько позже (почти одновременно с коринфским митрополитом) в русскую столицу прибыл чигиринский полковник посол Богдана Хмельницкого Федор Вешняк⁶¹. Пополнение было принято в Москве с почетом, но полученный от русских властей ответ явно не мог удовлетворить гетмана: русское правительство, верное “вечному докончанию” с Речью Посполитой, уведомило его о готовности принять Войско Запорожское под царское покровительство лишь в том случае, если сам польский король “учинит свободными” своих подданных-казаков⁶².

⁵⁷ Ченцова В.Г. "Источники фонда "Сношения России с Грецией"...", с. 153-157.

⁵⁸ Ф. 52, оп. 1, № 25 (12.05.1649 г.), лл. 1-2 (опубл. в: *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы*, т. 2. 1648-1651 годы [далее ВУР; Москва, 1953], № 72, с. 174-175); лл. 23-24 (01.05.1649 г.): проезжий лист, выданный Богданом Хмельницким в Чигирине коринфскому митрополиту Иоасафу); Зaborовский Л.В. *Католики, православные, униаты...*, с. 301-302, прим. 68. Митрополит Иоасаф поднес в дар царю резной, в серебряном окладе, образ с изображением Двунадесятых праздников с мощами св. апостола Павла, основателя коринфской церкви (ф. 52, оп. 1, № 25 [12.05.1649 г.], л. 66).

⁵⁹ Ченцова В.Г. "Источники фонда "Сношения России с Грецией"...", с. 162-164.

⁶⁰ Там же, с. 153-154.

⁶¹ *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*, т. 3 1638-1657 гг. (далее АЮЗР; СПб., 1861), №№ 251-256 (05.06 - 13.06.1649 г.), с. 316-321; ВУР, т. 2, № 74, с. 177-178; № 90, с. 208-209.

⁶² ВУР, т. 2, № 90, с. 308-309; АЮЗР, т. 3. с. 320-321. Впрочем, указание в ответе Хмельницкому на то, что царь может лишь по согласованию с королем принять казаков в свое подданство, видимо, было связано с обсуждавшейся некогда с Владиславом IV возможностью перехода запорожских казаков на Дон. О том, что ранее, в 1646 г., в период подготовки антиосманского союза Молдавии, Валахии, Речи Посполитой и России, подобные планы могли действительно обсуждаться, свидетельствует, например, тот факт, что приехавшему из Ясс в Москву сицилийскому митрополиту Иеремии во время расспроса в Посольском приказе был задан вопрос о том, не известны ли ему слухи об отпуске казаков (“черкас”) на Дон: “... что в Польше и в Литве говорят: хотят ли с великим государем вместе стоять на крымского царя, и есть ли в собранье воинские люди, и

Уже к концу 1649 г. в политической ситуации, сложившейся в восточной и юго-восточной Европе происходят существенные перемены. Следствием поражения, нанесенного казаками польской армии под Збаражем 18 августа 1649 г., стало заключение Зборовского мира, после которого произошел резкий поворот в политике укрепившего свое положение гетмана Хмельницкого: на следующий год объединенные казацко-татарские войска напали на Молдавию, разграбив ее территории и вынудив молдавского господаря бежать из своей сожженной столицы⁶³. Молдавский поход казаков и татар был вызван попыткой господаря Василия Лупу после Зборовского мира вновь вернуться к несостоявшимся планам союза с Речью Посполитой (имевшим антиосманскую направленность)⁶⁴, в то время как для гетмана первоочередной задачей оставалась борьба против польской короны. Недовольный отказом России оказать ему незамедлительную поддержку в борьбе против Речи Посполитой Богдан Хмельницкий после разгрома неверного союзника — молдавского господаря — отправил в Константинополь своих послов (киевского полковника Антона Ждановича и Павла Яненко) и в сентябре 1650 г. согласился принять османский протекторат⁶⁵. В обращении к султану гетман просил,

“чтоб накрепко грамотами приказал воеводе молдавскому, чтоб он вперед поляком не дружил и с ними совету и соседства не держал, как наперед сего делал, чтоб он служил ему, турецкому, и с ним, гетманом, дружбу держал”⁶⁶.

сколько, и в которых местах стоят, и Непр хотят ли отпереть, и черкас хотят ли отпустить на Дон? И митрополит сказал: про то он в Польше и в Литве не слыхал, что литовской король хочет ли с великим государем вместе на турского царя стоять, и Днепр отпереть велит ли, и черкас на Дон отпустит ли” (ф. 52, оп. 1, № 2 [27.09.1646 г., по описи 1647 г.], лл. 13-14). Подобные ожидания еще раз подтверждают существование в русских правящих кругах надежд на возможный антиосманский союз с Речью Посполитой и другими католическими державами, которые, разумеется, не позволяли нарушать соглашение с польским королем и принимать в подданство Хмельницкого. Эта группа сотрудничала и с молдавским воеводой, а также с “ясским” греческим духовенством с ориентацией на Речь Посполитую. Пользуясь случаем выражают горячую благодарность за ценные консультации по истории политических групп и полемической литературы в России XVII в. А.А. Булычеву, С.Н. Кистереву, Л.А. Тимошиной, Т.А. Опариной и Ю.М. Эскину.

⁶³ Соловьев С.М. *Сочинения. История России с древнейших времен*, кн. 5, с. 529-551; Iorga N. "Relations des Roumains avec les Russes occidentaux et avec le territoire dit de l'“Ukraine”", *Académie Roumaine, Bulletin de la section historique*, 3e année (1915), р. 339; Бреухуненко В. "Донське козацтво як чинник зовнішньої політики Богдана Хмельницького", *Доба Богдана Хмельницького* (Київ, 1995), с. 125-135; Baidaus E. *Politica și diplomația Moldovei...*, pp. 76-84.

⁶⁴ Подробнее о политических маневрах молдавского господаря в 1649-1651 гг. см.: ibid., pp. 74-84.
⁶⁵ Ф. 52, оп. 1, № 8 (20.11.1650 г., по описи 1651 г.), лл. 11-12; см. также: Грушевский М. *Історія України-Русі*, с. 59-60; Lemercier-Quelquejay Ch. "Les relations entre la Porte Ottomane et les cosaques Zaporogues au milieu du XVIIe siècle. Une lettre inédite de Bohdan Hmelnickij au Padichah ottoman", *Cahiers du monde russe et slave* XI/3 (1970), pp. 454-461; Флоря Б.Н. "Патриарх константинопольский Парфений II и гетман Богдан Хмельницкий", *МОЗХОВІА. Проблемы византийской и новогреческой филологии. К 60-летию Б.Л.Фончика* (Москва, 2001), с. 443 (истолкование эпизода приема казацкого посольства константинопольским патриархом и его последствий Б.Н. Флорей мне представляется неверным; подробнее см. ниже).

⁶⁶ ВУР, т. 3, № 16, с. 51.

Посольство от гетмана посетило и константинопольского патриарха Парфения II, причем, как сообщал впоследствии в Москву очевидец (давно сотрудничавший с русскими властями грек Фома Иванов), прием был организован по настоянию визиря (“И везиръ де приказал царегородцому патриарху Парфению того посла к себе звати хлеба есть, потому что они одно веры”)⁶⁷. По словам Фомы Иванова, патриарх Парфений осудил планы Хмельницкого напасть на русские земли, ссылаясь на то, что гетман уже и так погубил много христиан в польских и молдавских землях⁶⁸.

К сожалению, сохранившиеся документы не донесли сведений о том, в чем состоял тот переданный через митрополита Иоасафа в 1649 г. “тайный словесный приказ” константинопольского патриарха. Можно лишь предполагать, что если этот “приказ” действительно существовал (это нам известно лишь со слов самого митрополита), то он соответствовал взглядам на русско-украинские отношения, высказанным патриархом Парфением годом позже, в 1651, во время приема прибывших в османскую столицу послов гетмана:

“Мы де молим и просим у Господа Бога о многолетнем здравии благочестивого царя, чтоб он, великий государь, избавил нас от нечестивых рук. А вам де достойно быть подданными у него, благочестивого царя, и помочь всяку ему, государю, чинить, чтоб все православные християне были в соединении”⁶⁹.

Деятельность константинопольского патриарха, продемонстрировавшего поддержку прибывшему в Константинополь посольству Хмельницкого, уже давно вызывала сильное недовольство молдавского господаря, пытавшегося вернуться к несбыточным планам союза с польским королем. К патриарху Парфению был посыпан убийца, совершивший свое дело 16 мая 1651 г. Не случайно в Москву доносили, что причиной гибели патриарха было то, что он “Хмельницкого послов к себе к благословлению призвал и молебен им пел и у себя их накормил”; разносятся слухи о том, что в убийстве косвенно замешаны иерусалимский патриарх Паисий и новый константинопольский патриарх Иоанникий⁷⁰.

⁶⁷ Ф. 52, оп. 1, № 8, л. 12. Великим везиром был в это время Мелек Ахмед паша.

⁶⁸ Там же, лл. 13-14.

⁶⁹ Там же, лл. 12-14; № 29 (11.04.1651 г.), лл. 22-23; Флоря Б.Н. "Патриарх константинопольский Парфений II...", с. 443-445; Ченцова В.Г. "Источники фонда “Сношения России с Грецией”...", с. 157. В России за разрыв отношений с польским королем в случае, если он не будет выполнять требований, предъявленных русским правительством в соответствии с “вечным докончанием”, и за принятие российское подданство запорожского гетмана “с черкасами” выступил и московский патриарх Иосиф, поддерживавший связи с Парфением Константинопольским (ВУР, т. 3, № 2, с. 11-12 [27.02.1651 г.]).

⁷⁰ См. ф. 52, оп. 2, № 427 (11.08.1651 г.), лл. 1-3 (перевод см. в: ф. 52, оп. 1, № 3 [15.10.1651 г., по описи 1652 г.]; лл. 3-13 (грамота Даниила [Дионисия] Халкидонского); № 21 [09.04.1652 г.], лл. 5-6 (из письма назаретского митрополита Гавриила); л. 29 (из грамоты халкидонского митрополита Гавриила); см. также Николаевский П. *Из истории сношений России с Востоком...*, с. 22-23; Каптерев Н.Ф. *Характер отношений России...*, с. 413-417; Iorga N. "Basile Lupu, prince de Moldavie...", pp. 117-122; Pall Fr. "Les relations de Basile Lupu...", pp. 89. Характерно, что в Киеве в недовольных деятельности константинопольского патриарха кругах (разумеется, прокатолических) поговаривали даже о том, что патриарх Парфений — “истый магометанин”! (ср. Vimina A. *Historia delle*

Несмотря на взаимную враждебность соперничающих в лоне Восточной церкви групп⁷¹, обе стороны в тот момент (в 1649–1651 гг.) стремились к одной цели: объединению сил христианских государств во имя борьбы за освобождение православного населения Османской империи от власти иноверцев. Разногласия между ними сводились к тому, рассматривать ли в роли союзников католические страны (и в первую очередь Речь Посполитую) или протестантов (и тогда в роли союзников выступали все антикатолические силы (не только придерживавшиеся протестантизма), в числе которых были венгерский король Дердь II Ракоци, которому Хмельницкий даже предлагал польскую корону, и валашский господарь Матвей Басараб)⁷². Таким образом, в 1649–1653 гг. и патриарх Парфений II, и патриарх Паисий Иерусалимский, и бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар прилагали все силы к тому, чтобы убедить русское правительство и гетмана Хмельницкого в необходимости создания антиосманского союза, первой ступенью на пути к которому и должен был стать переход Войска Запорожского в подданство к царю. Не исключено, поэтому, что в 1649 г. коринфский митрополит был связан сразу с обеими подчас остро конфликтующими сторонами — и с константинопольским патриархом Парфением II, и с представителями “яссского” греческого духовенства, объединившими свои усилия в деле подготовки антиосманской коалиции.

В то же время, по имеющимся данным, весьма явственно прослеживаются этапы эволюции политических и дипломатических контактов, осуществлявшихся через посредство греческого духовенства, а роль отдельных лиц, представлявших разные направления и в богословии, и в политических предпочтениях, была далеко не всегда однозначной. Объяснение того, каким образом происходила эта эволюция в 1648–1649 гг. дал в адресованной царю грамоте сам константинопольский патриарх Парфений II, вторично занявший константинопольскую кафедру в

guerre civili di Polonia [Venezia, 1671], pp. 189, 192) А в Константинополе было известно, что патриарху благоволила старая валиде Козем: именно она, а не малолетний султан, обладала реальной полнотой власти в стране (ср. Каптерев Н.Ф. *Характер отношений России...*, с. 413.).

⁷¹ О константинопольском патриархе Парфении II и его окружении, ратовавшем за верность как богословским, так и политическим взглядам Кирилла Лукариса см.: Pall Fr. *“Les relations de Basile Lupu...”, pp. 66-140; Tsourkas Cl.D. Les débuts de l’enseignement philosophique et de la libre pensée dans les Balkans. La vie et l’œuvre de Théophile Corydalée (1570-1646)* (Thessalonique, 1967), p. 132; Idem. *Germanos Locros, archevêque de Nysse et son temps (1645-1700)* (Thessalonique, 1970), p. 17.

⁷² В 1650 г. Василий Лупу, решившийся вернуться к планам заключения союза с Речью Посполитой, разорвал помолвку своей дочери с братом венгерского князя Жигмонтом из-за религиозных расхождений. Напротив, Хмельницкий продолжал свои контакты с Ракоци в 1650–1651 гг. Впоследствии, в 1653 г., именно союз венгерского князя с валашским господарем Матвеем Басарабом погубил Василия Лупу, приведя к власти в Молдавии великого логофета Георге Стефана (см.: Хаванова О.В. “Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е годы XVII в.”, *Русская и украинская дипломатия в Евразии*, с. 136–137; Грушевский М. *Історія України-Русі*, с. 250–253. Не случайно Иоахим Пасторий сообщал, что во время битвы под Берестечком в лагере Хмельницкого был захвачен архив гетмана, в котором имелась его переписка с Портой, крымским ханом, московским царем и трансильванским князем, т.е. со всеми враждебными Речи Посполитой силами, в числе которых, как видим, не упоминается молдавский господарь, которого, напротив, его враги пытались опорочить перед османским двором как благожелателя Речи Посполитой (см. Pastorius I. *Bellum Scythico-Cosacicum*, pp. 100, 194.).

конце октября 1648 г. Этот важнейший документ, датированный 29 октября 1648 г.⁷³, еще не привлекал должного внимания исследователей, в то время как из него становятся ясны некоторые мотивы действий принимавших участие в событиях сторон. Так, патриарх Парфений сообщает в этом послании царю, что после отречения от престола в ноябре 1646 г. и ссылки, в которых были повинны некие “злые люди” (в числе которых наверняка были в то время в первую очередь сторонники ясского господаря!), ему неожиданно было позволено вернуться в Константинополь (благодаря содействию одного из стражников, который ранее мучил его даже “боле от салтановых людей”), а затем — уехать в молдавскую столицу, причем по приглашению самого господаря. Вторичное восшествие Парфения II на константинопольский патриарший престол в конце октября 1648 г. состоялось не только с ведома Василия Лупу, но и по его настоянию:

“И Василий воевода зело нас понуждал с великим раденьем и помощью исполнити нам хотение архиерейское клириков и вельмож...”⁷⁴

Очевидно, планы воеводы изменились, и важнейшей причиной их изменения, как представляется, могло послужить начало антипольского восстания на Украине⁷⁵. Таким образом, в конце 1648 и в течение 1649 г. молдавский господарь и его греческое окружение с готовностью сотрудничали с константинопольской кафедрой, на которую вновь был возведен Парфений II, причем это сотрудничество проявлялось в первую очередь в дипломатических сношениях с Москвой и с гетманом Хмельницким. В Киев и в Москву незамедлительно (тогда же, осенью 1648 г.) отправился иерусалимский патриарх Паисий⁷⁶, а позже — и коринфский митрополит Иоасаф. Расхождения между Константинополем и Яссами начались позже, после того как господарь Василий вновь обратился к проекту заключения союза с Речью Посполитой. По-видимому, определенную роль в столь быстром изменении политических планов господаря сыграл и неуспех миссии Паисия Иерусалимского в Москве, где также пока ориентировались на сохранение мирных отношений с польским королем. Прокальвинистски настроенный патриарх на константинопольской кафедре уже с конца 1649 г. перестал устраивать воеводу, тем более, что Парфений II начал принимать активное участие в подготовке будущего “православно-протестантского” союза, благословляя на него и украинского гетмана. Это и привело к трагической гибели патриарха.

После вторичного посещения Москвы коринфский митрополит Иоасаф приехал к Хмельницкому и оказывал деятельную поддержку гетману, постоянно находясь

⁷³ Ф. 52, оп. 1, № 19 (16.04.1649 г.), лл. 1-20. Комментированная публикация грамоты готовится к печати. Греческий подлинник ее не выявлен.

⁷⁴ Там же, л. 12.

⁷⁵ Молдавский воевода сразу же выслал в помощь гетману Хмельницкому небольшое военное подразделение. Несмотря на малочисленность войска (по сообщению иверского иеромонаха Корнилия, всего 1200 человек), поддержка воеводой казацко-татарских войск в противостоянии с польской армией свидетельствует о крутом повороте в политической ориентации господаря. См. издание документа в: *Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божией Матери, принесенной в Россию в 1648 году*, изд. А.С. Павловым (Москва, 1879). с. 21-22.

⁷⁶ Ф. 52, оп. 1, № 7 (01.12.1648 – 28.07.1649 г.); опубл. в: ВУР, т. 2, № 46, с. 81-104.

при войске, совершая церковные службы и продолжая сношения с московским двором⁷⁷. В то же время, хронология событий конца 1649 и бурного 1650 г. и роли в них владыки Иоасафа пока остается до конца не выясненной. В начале января 1651 г. митрополит написал в Москву письмо, в котором сообщал, что на обратном пути к родному монастырю, “во граде Бетере” (в Бендерах?), “турки” отобрали у него царскую милостыню⁷⁸. Действительно ли он из Москвы отправился на родину? В Константинополе или в Яссы? Вернулся ли он вновь с дороги в ставку гетмана (где, по свидетельству Арсения Суханова, коринфский митрополит совершал богослужения в ноябре 1650 г.)? Или же он поехал туда прямо из Москвы, узнав о новых политических маневрах Василия Лупу и поняв, что в Яссах ему уже не место? Где именно находился митрополит во время молдавского похода Хмельницкого и хана? Найти ответы на эти вопросы, возможно, помогут дальнейшие исследования сохранившихся архивных материалов.

В начале 1651 г. в Москве обсуждался вопрос о принятии Войска Запорожского в подданство. В феврале московский патриарх Иосиф со всем Освященным Собором русского духовенства благословил войну против польского короля и принятие в подданство Войска Запорожского, в случае если польский король не найдет управы против “многих злых неправд” в отношении Московского государства⁷⁹. 11 марта гетман Богдан Хмельницкий подписал лист к ближнему боярину царя Б.И. Морозову, в котором просит “заступить” перед царем за казаков, “чтобы его царское величество нас из жалованья своего царского не выпускал”, и “чтоб он, яко православный христианский царь, на все земли государствовал”⁸⁰. С января 1651 г. коринфский владыка Иоасаф в письмах к царю Алексею Михайловичу настойчиво просил о принятии запорожцев в подданство, присоединяя свой голос к голосам других ходатаев, торопивших русское правительство с решением этого вопроса⁸¹. Вместе с иерусалимским патриархом Паисием он предпринимает энер-

⁷⁷ В своем статейном списке троицкий строитель Арсений Суханов, побывавший осенью 1650 г. в ставке гетмана Хмельницкого, сообщил: “Ноября в 8 день митрополит коринфской [Иоасаф] и назоретской [Гавриил] служили обедню в церкви, что у гетманского двора; гетман стоял у обедни с сыном на правом крылосе. По заамbonной молитве оба митрополиты, вышед из алтаря царскими дверьми, а пред царскими дверьми постлали ковер, и призвали к себе гетмана и с сыном, и велели им обоим стать на ковре на коленках, а митрополиты положили им на главы амфоры свои, и наперед чел молитву по-гречески коринфской, потом чел две молитвы назаретской по-руски по киевскому потребнику; во многолетии митрополиты и в октеньях поминают гетмана государем и гетманом Великия Росии” (ВУР, т. 2, № 76, с. 187). “Киевский потребник” — видимо, Требник митрополита Петра Могилы 1646 г. (Макарий, *История Русской Церкви*, с. 565-569.).

⁷⁸ “По сем, многолетний царю, что пожаловали есте меня милостынею, и как я ехал к монастырю своему, и то у меня отняли турки во граде Бетере (г. Бендеры?), да сверх того занял есми двесте ефимков, а в тех ефимках заложил ризы свои. И ныне посыпаю племянника своего, священноинока Захария, чтобы великое ваше царствие пожаловали меня, богомольца вашего, как вам великому государю Бог известит, чем бы мне было ризы свои окупити...” (ф. 52, оп. 1, № 19 [12.01.1651 г.], лл. 13-14 [02.01.1651 г.]).

⁷⁹ ВУР, т. 3, № 2 (27.02.1651 г.), с. 11-12.

⁸⁰ Ф. 52, оп. 1, № 11 (11.03.1651 г.), с. 21 (опубл. в: АЮЗР, т. 3, № 316, с. 446-447).

⁸¹ Этот период жизни митрополита Иоасафа лучше известен благодаря ряду уже опубликованных документов, прежде всего, — писем митрополита, доставляемых в Москву его “гончиками”; см. АЮЗР, т. 3, № 318, с. 447-450; ф. 52, оп. 1, № 28 (06.04.1651 г.), лл. 1-4 (опубл.: ВУР, т. 3, № 10. с.

гичные усилия, в частности, для разрешения дела о самозванце Тимошке Анкундинове, которое в конце 1650 г. осложнило русско-украинские отношения⁸². Гетман, крайне недовольный политикой Москвы, принял у себя самозванца, видимо, собираясь при случае использовать в качестве предлога для военных действий против России защиту прав Псевдо-Шуйского на престол. Кстати, возможно, что с именем “Шуйского” для Хмельницкого и его политики была связана также идея антикатолической и антипольской освободительной борьбы в России (кстати, в союзе со шведским королем!), о которой было в то время важно напомнить и русской стороне. Этим и определялась готовность гетмана поддержать претендента, являвшегося живым воплощением столь значимого политического преемства⁸³. Вместе с “греченином” Иваном Петровым Тафрали, при сотрудничестве своего двоюродного брата Ильи Мануйлова и старца Павла⁸⁴ коринфский митрополит вел переговоры с Тимошкой Анкундиновым, готовым, по словам Иоасафа, принести царю повинную в случае, если митрополит и Иван Петров поручатся за его жизнь⁸⁵. В начале 1651 г. значение посреднической деятельности митрополита и других греков было особенно важным, поскольку гетман, принимая османский протекторат и одновременно продолжая переговоры с Россией, видимо, опасался скомпрометировать себя перепиской с Москвой и предпочитал поддерживать контакты через греков⁸⁶.

В связи с пребыванием посольства Павла Яненко (свояка Хмельницкого) в Молдавии и переговоров, в которых принимал участие также Иван Петров Тафрали, в Чигирин были отправлены листы от воеводы Василия не только к гетману, но и к коринфскому митрополиту Иоасафу, которого Василий Лупу уверял в своей

19-20); ВУР, т. 3, № 23 (16.05.1651 г.), с. 61-63 (= АЮЗР, т. 3, № 318, с. 447-450); № 24 (16.05.1651 г.), с. 64 (письмо митрополита к Юрию Константинову Карапиперову, двоюродному брату Ивана Петрова).

⁸² Ф. 52, оп. 2, № 373-374; Белокуров С.А. *Арсений Суханов*, ч. 1 (Москва, 1891), с. 228-237, LXVII-LXXI; Фонкич Б.Л. *Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний* (Москва, 1995), № 38, с. 60; Фонкич Б.Л. “Две греческие грамоты к Богдану Хмельницкому”, *Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори* (Москва, 2000), с. 428-440; Ченцова В.Г. “Источники фонда “Сношения России с Грецией...”, с. 155-156.

⁸³ Не случайно в сентябре 1650 г. Хмельницкий вновь вызвал Тимошку Анкундинова из Мгарского монастыря к себе в войско; см. ВУР, т. 2, № 181, с. 410-411.

⁸⁴ Сделанное ранее отождествление старца Павла и грека Павла (Федорова), приезжавшего по поручению Хмельницкого в Москву в ноябре 1650 г., было неверным: Ченцова В.Г. “Источники фонда “Сношения России с Грецией...”, с. 158-160. Пока не удалось определить, кем же был и откуда появился в стане запорожского гетмана греческий старец, “пустынник” (ср. ВУР, т. 3, с. 63) Павел, который, как и коринфский митрополит, погиб в битве при Берестечке.

⁸⁵ ВУР, т. 3, с. 63.

⁸⁶ Там же, № 23, с. 62. Ср. также рассказ в Москве двоюродного брата коринфского митрополита Ильи Мануйлова и служившего в войске Хмельницкого серба Василия Данилова: “А послал де их к царскому величеству писарь Иван Выговский чужеземцов, для тово, чтоб их в дороге никто не познал и было б тайно. И митрополиту де коринфскому и старцу Павлу велел же писати своими руками. И что де им Выговский приказал, то де они и писали, и для де подлинные верности приписывал к тем письмам рукою своею. А чают де они, что того ево, Ивановы, с ними вестовые посыпки не ведает и гетман Хмельницкий...” (там же, № 34, с. 81-82; Грушевський М. *Історія України-Русі*, с. 255-256).

приязни и просил уведомлять о происходивших событиях⁸⁷. В отправленной тогда грамоте, написанной в конце мая 1651 г., молдавский господарь выражает удивление в связи с тем, что Иоасаф, уже долгое время пребывая при Хмельницком, ничего ему не сообщает про “свата гетмана”⁸⁸. Это свидетельство, обнаруженное М.С. Грушевским, подтверждает то, что отношения коринфского владыки с молдавским воеводой в конце 1650-начале 1651 г. осложнились. Весной 1651 г., в трудное время, когда казаков начали теснить польские войска, и незадолго до смерти митрополит Иоасаф пишет все новые обращения к царю с просьбой принять гетмана в подданство⁸⁹, настаивая на невозможности примирения казаков с польским королем:

“Мы подлинно слышим, что козаки ляхов победят; мира между ними ни за что не будет; гетман хочет их до конца разорить и посадить на польское королевство короля истинной христианской веры”⁹⁰.

Таким образом, в начале 1651 г. митрополит Иоасаф придерживался последовательно антипольской позиции, явно разделяя взгляды, скорее константинопольского патриарха Парфения, чем ясского господаря. Это, кстати, позволяет предполагать, что присланный Хмельницкому меч, о котором сообщал Иоахим Пасторий⁹¹, был получен, скорее всего, от константинопольского патриарха.

Антипольская позиция в политике Молдавии, впрочем, восторжествовала (вынужденно) в 1652 г., когда союз молдавского господаря с гетманом Хмельницким был скреплен браком их детей — Тимофея Хмельницкого и Роксаны. Вопрос же о принятии Войска Запорожского в подданство России был решен в 1653 г. уже после того, как один из главнейших участников политической интриги — молдавский господарь Василий Лупу — потерял свой престол. В последних переговорах, предшествовавших заключению этого союза, принял самое непосредственное участие приехавший из Ясс бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар, который еще в 1649 г. рекомендовал царю Алексею Михайловичу коринфского митрополита Иоасафа.

В 1651 г. русское правительство, опасавшееся начинать войну против Речи Посполитой и продолжавшее свою выжидательную политику, тем не менее, высоко оценивало посреднические усилия греков, посылая жалованье ~~—~~, в том числе и коринфскому митрополиту. Последний раз Иоасафу было отправлено довольно щедрое жалованье соболями весной 1651 г., но оно запоздало. После гибели коринфского митрополита во время битвы под Берестечком (20 июня 1651 г.) через русского посланца Григория Богданова обратно в Москву были переданы соболя

⁸⁷ Там же, с. 249-251. М.С. Грушевский пользовался копиями этих листов, сохранившимися в собрании библиотеки Оссолинских (*Ossolin. № 225*), что свидетельствовало, по его мнению, о том, что эти письма были каким-то образом перехвачены.

⁸⁸ Там же, с. 251.

⁸⁹ Ф. 52, оп. 1, № 19 (12.01.1651 г.), л. 13; № 28 (06.04.1651 г.), лл. 1-4 (опубл. в: *BVR*, т. 3, № 10, с. 19-20).

⁹⁰ *АЮЗР*, т. 3, с. 456.

⁹¹ *Pastorius I. Bellum Scythico-Cosacicum...*, p. 193.

(всего на сумму в 170 рублей), которые так и не успели получить коринфский митрополит и старец Павел, погибшие при разгроме войск Хмельницкого⁹².

“Митрополит Иоасаф, — писал Костомаров, — … не достался врагам на жестокие мучения, которые ожидали бы его, по сознанию самих поляков. Последний раз он выдержал себя и, представ в архиерейской мантии перед растерянными толпами, хотел остановить их и пал с освященным мечом в руке, освятив его, по замечанию историков, своей кровью: какой-то шляхтич заколол его. Поляки привнесли к королю его облачение: красную бархатную митру, окаймленную золотыми бляхами крестообразной формы, Евангелие в золотой оправе, две чаши, триклии, крест из яшмы, омофор драгоценной работы, жезл, литой из серебра, и освященный меч”⁹³.

Список иллюстраций:

Выражаю искреннюю признательность научному сотруднику РГАДА Е.Е.Рычаловскому за неоценимую помощь при подготовке иллюстраций.

1. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3 (11.10.1646 г., по описи 1647 г.), л. 6, стрк. 1 снизу писана рукой Иоасафа Элассонского (подпись заверяет составленный в Путинле документ, свидетельствующий о том, что архиепископу действительно не известно содержание привезенных им грамот, которые ему было велено передать в Посольский приказ.).

2. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, л. 5об., боб., стрк. 1 и 5 писаны рукой архиепископа Иоасафа Элассонского; стрк. 5 (скрепа) восстановлена в месте склейки двух листов.

3. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 2 (27.09.1646 г., по описи 1647 г.), л. 8боб., стрк. 6 писана рукой Иоасафа Элассонского (подпись заверяет челобитную грека Фомы Константинова с просьбой о пожаловании милостины, поданную в Москве).

4. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 2, л. 87об., стрк. 3 писана рукой Иоасафа Элассонского (то же.).

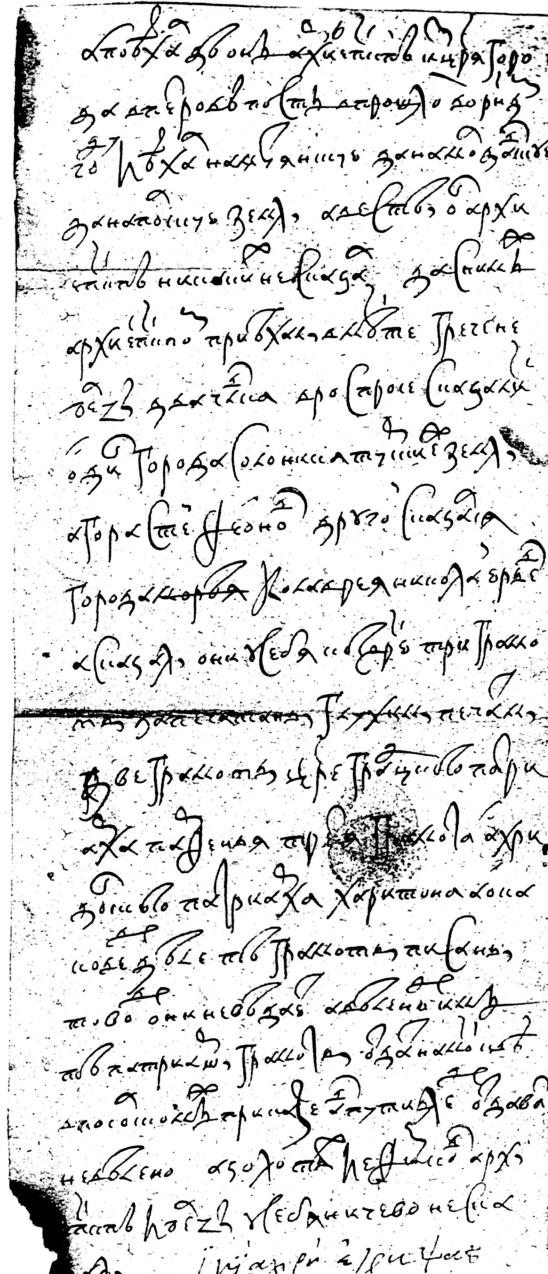
5. РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 267 (фрагмент). “Грамота к царю Алексею Михайловичу из Яс от генуэзского архиепископа Иоасафа и митрополитов варинского Парфения и дристского Иеремии,

⁹² “159-го году, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу, послано было государева жалованья соболями х коринскому митрополиту с его людьми, которые были ко государю присланы от него, митрополита, в гончиках. И будучи у гетмана Богдана Хмельницкого, Розрядного приказу подъячей Григорей Богданов коринского митрополита у людей ево, которые были ко государю присланы от митрополита в гончиках, соболи у них взял для того, что коринского митрополита и Павла старца в казацком обозе, как казаки, покиня обоз, на Украину побежали, в те поры польские люди их побили, и пропали безвечно. А что подъячей Григорей Богданов коринского митрополита у людей ево взял государевых соболей и тому роспись: 2 сорока соболей по 50 рублей сорок; сорок соболей в 40 рублей; сорок соболей в 30 рублей” (ф. 52, оп. 1, № 2 [13.10.1651 г.], л. 2); “А что де послано было государево жалованье х коринскому митрополиту и к старцу Павлу с посланце их — 4 сорока соболей, — и он де, Григорей, те соболи у посланцов их взял и привез с собою, для того, как де рушился обоз Хмельницкого, и в то де время он, митрополит, и старец Павел, неведомо, убиты от польских людей или в полон взяты, а проведать про них не могли. А гречанин де Иван Петров в то же время, как казацкой обоз рушился, пропал безвестно же” (*BVR*, т. 3, № 53 [07.08.1651 г.], с. 119).

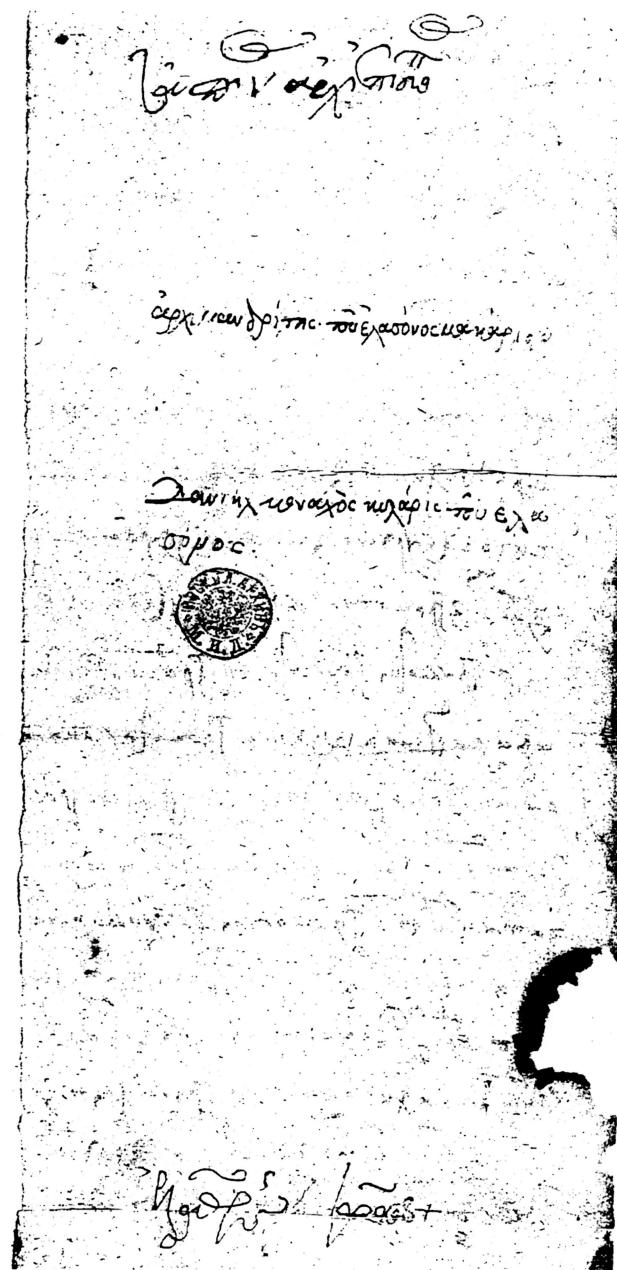
⁹³ Костомаров Н.И. *Богдан Хмельницкий*, с. 497. Н.И. Костомаров вольно пересказал сообщение Иоахима Пастория о гибели коринфского митрополита: “Adfuerat eidem Chmelnicio alias praesul Graecus, (qui Archiepiscopum Corintheum se dixerat) magnus plebis concitator. Et his ipsis in castris ingens pactionis deditio[n]is mora. Nunc in tumultu caesus majora supplicia effugerat. Sed mitra, ampullae, candelabra et alia tanti scilicet praesulis ornamenta Regi reddit” (*Pastorius I. Bellum Scythico-Cosacicum...*, p. 194).

да от архимандрита соборной церкви Венедикта, с верейским предтечевским архимандритом Дамианом о учиненном через клеветы грека Константина Евстафьева (бывшего в российской службе) купцу греку Федору Юрьеву напрасном убытке, о награждении коего и о заплате денег они ходатайствуют" (Бантыш-Каменский Н.Н. *Реестр грамотам греческих вселенских патриархов, греческих и сербских монастырей настоятелей, разных духовных и светских греков* [Москва, 1789], с. 70 [опись ф. 52, оп. 2. Греческие грамоты]). Указанная в грамоте дата — 12 ноября 1646 г., — видимо, ошибочна; должно быть: 12 ноября 1647 г. Грамота (в том числе и подписи) писана рукой учителя и богослова Великой церкви архимандрита Венедикта.

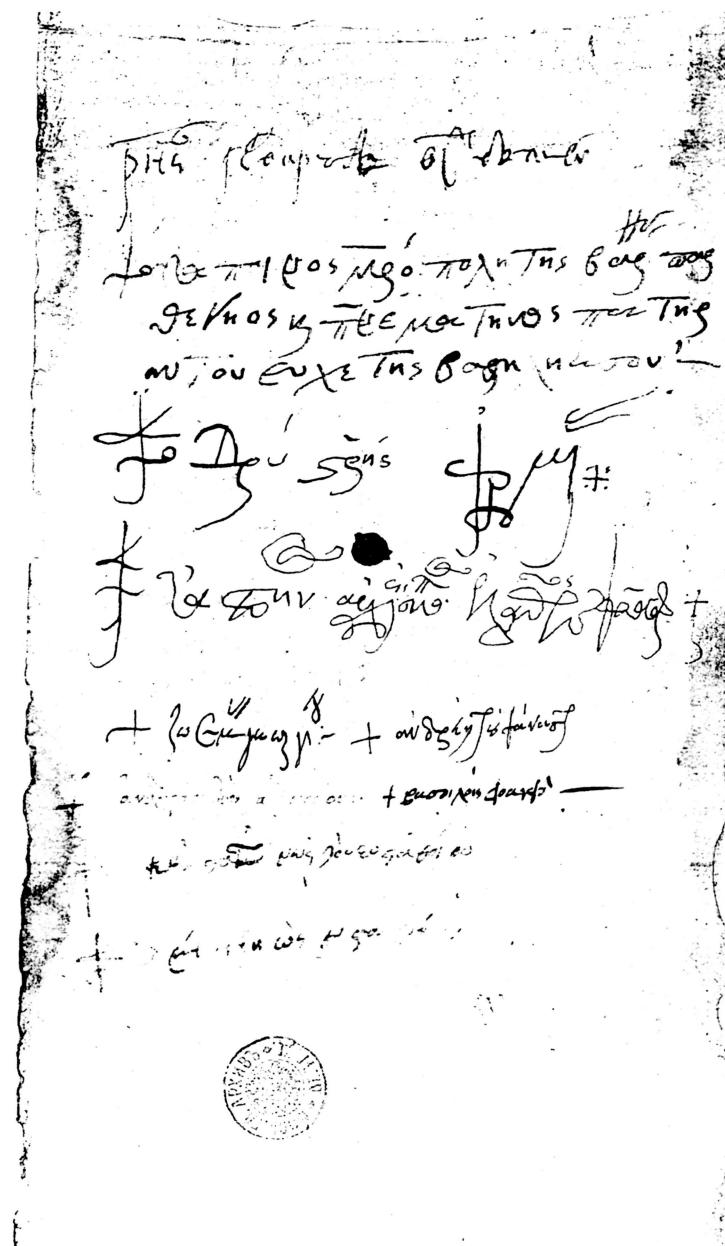
6. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 25 (12.05.1649 г.), л. 63об., стрк. 1-7 писаны рукой коринфского митрополита Иоасафа (о получении от царя пожалованной милостины).

1. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, стрк. 1 *чижу*.

2. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, л. 5об., боб., стрк. 1 и 5

3. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 2 (27.09.1646 г., по описи 1647 г.), л. 86об., стрк. 6

for the signs of my
Kings way to mos.—
for the signs of my

ט'ז

4. РГАДА, ф. 52, оп.1, № 2, л. 87об., строк. 3

۱۰

5. РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 267 (фрагмент)

Handwritten text in Old Church Slavonic script, likely a liturgical or eucologial text. The text is written in two columns per page.

6. РГАДА, ф. 52, оп. 1, № 25 (12.05.1649 г.), л. 63об., стрк. 1-7

Elena Velkovska (Roma)

Una preghiera romana nell'Eucologio slavo del Sinai

Tra le preghiere dell'*Euchologium Sinaiticum* (*Sinai* sl. 37) delle quali ancora non è stato individuato il modello, greco o in altra lingua, utilizzato dal traduttore, vi è una orazione per il formaggio da recitare alla sera del "Grande Sabato".¹ Il testo si trova all'interno di una serie di preghiere da utilizzare durante la Settimana Santa dove troviamo disposte in ordine cronologico o di impiego una preghiera per benedire le palme nell'omonima Domenica, la preghiera per il formaggio per il Sabato Santo e la preghiera per l'agnello da consumare a Pasqua. Seguono le preghiere comuni per la tavola.² Evidentemente dei testi eucologici destinati a generi commestibili nel processo di redazione del libro hanno, per così dire, attratto le preghiere per l'ordinaria benedizione della mensa. In ambito greco la stessa concatenazione di elementi si trova nel *Grottaferrata* Г. β. X, un eucologio italo-greco del X/XI secolo riconducibile graficamente alla "scuola niliana".³ Nel *Grottaferrata* Г. β. XV B, più tardo di circa un secolo, abbiamo di seguito le sole tre preghiere della Settimana Santa.⁴ Per l'ambito costantinopolitano e medio-orientale la comparazione risulta più complessa perché gli eucologi della Capitale, come quelli del Medio-Oriente (Sinai-Palestina) non conoscono l'impiego di preghiere per la benedizione del formaggio e dell'agnello pasquale che restano, almeno a data antica, una peculiarità del rito bizantino praticato in Italia meridionale. Tuttavia è possibile cogliere una tenue analogia redazionale tra l'*Euchologium Sinaiticum* e il *Paris Coislin* 213, copiato a Costantinopoli nel 1027. Dell'eucologio di Parigi bisogna evidenziare la collocazione delle preghiere per la benedizione della mensa:⁵

- a) Preghiera per le primizie
- b) Preghiera per l'offerta di animali
- c) Preghiera per la distribuzione di carne, vino, ecc.
- d) Preghiera per la benedizione della mensa

¹ R. Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik*, II. del: *Tekst s komentarjem* (Ljubljana, 1942), 36; cfr. J. Frček, *Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française*, I (Paris, 1933), 682-683 (= *Patrologia Orientalis* 24.5).

² E. Velkovska, "Fonti greche delle preghiere della tavola dell'Eucologio slavo del Sinai", in *Nuovi paralleli greci dell'Eucologio Slavo del Sinai* (Roma, 1996) (= *Seminario di filologia slava*, 1); anche in *AION* (Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli) *Slavistica* 3 (1995), 35-42.

³ Ed. F. C. Conybeare, *Rituale Armenorum, Being the Administration of the Sacraments and the Breviary Rites of the Armenian Church together with the Greek Rites of Baptism and Epiphany Edited from the Oldest MSS* (Oxford, 1905), p. 415.

⁴ *Grottaferrata* Г. β. XV B, ff. 39v-41r.

⁵ А. Дмитриевский, *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, II, *Ехологија* (Кiev, 1901), 1014-1015 (repr.: Hildesheim, 1965).